

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Д. Б. Тев

Депутаты Государственной Думы РФ VI созыва: социально-профессиональные источники рекрутирования¹



ТЕВ Денис Борисович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института ФНИСЦ РАН. Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Email: denis_tev@mail.ru

В статье рассматривается социально-профессиональный состав Государственной Думы VI созыва. Цель исследования — выявление и анализ социально-профессиональных категорий, служащих источниками рекрутирования депутатского корпуса. В качестве теоретического основания использовался широкий круг работ отечественных и зарубежных авторов, посвящённых рекрутированию политической элиты. Метод исследования можно определить как структурно-биографический анализ. Эмпирической основой исследования является база данных, включающая биографические сведения о 532 парламентариях, работавших в Госдуме VI созыва. Источниками данных, которые упорядочивались в персональных файлах-анкетах и затем статистически обрабатывались, служили сайты государственных органов, коммерческих структур, биографические интернет-порталы. Исследование показало, что политическая элита РФ существенно укоренена в структурах политико-административной власти советского общества: среди депутатов ГД номенклатурный опыт распространён в большей степени, чем среди административной и экономической элиты страны. Важная тенденция постсоветской карьеры депутатов — политическая профессионализация. Заметна тенденция бюрократизации депутатского корпуса, значительная часть которого в постсоветский период работала в административных структурах. Имеют место динамические переплетения между федеральными административной и политической элитами, особенно на уровне руководства ГД. Довольно выражена милитаризация политической элиты, хотя выходцев из силовых структур меньше, чем в административной элите. Бизнес — важнейший источник рекрутирования политической элиты за пределами политико-административных структур. Хотя выходцев из крупного в общенациональном масштабе бизнеса немного, наблюдаются переплетения экономической и политической элит страны. Наконец, некоторые профессиональные категории, широко представленные в легислатурах ряда западных стран (юристы и преподаватели), довольно слабо присутствуют в Госдуме РФ. Автор статьи делает вывод о том, что указанные тенденции рекрутирования могут, с одной стороны, быть связаны с особенностями политической и экономической организации российского общества (слабость парламента, «кумовской капитализм» и проч.), а с другой — влиять на политические установки и поведение законодателей (в том числе на их отношение к советскому прошлому, политическому режиму, интересам различных социальных групп).

¹ Работа выполнена по государственному заданию (тема «Социально-культурные изменения и структурирование властных отношений в современной России», № 0169-2015-0005).

Ключевые слова: Государственная Дума; депутаты; профессионализация; бизнес; администрация; номенклатура; силовые структуры; юристы; преподаватели.

Введение

Значимость исследования социально-профессионального состава политической элиты определяется, во-первых, тем, что его характеристики могут служить показателем структуры социальной и политической власти, лежащей в основе элитного рекрутирования [Putnam 1976: 43]. Изучение этих характеристик, в частности, позволяет лучше понять особенности политической организации общества (включая место парламента в системе власти, отличительные черты партийной системы, специфику отношений государства и бизнеса). Во-вторых, социально-профессиональное происхождение законодателей может отчасти влиять на их аттитюды и поведение. Впрочем, такая зависимость нередко ставится под сомнение [Matthews 1984: 555; Norris, Lovenduski 1995: 210]. Ряд исследований, проведённых в США, не выявил значительного влияния некоторых типов профессионального опыта — юридического, военного — на поведение законодателей [Derge 1959: 431; Green et al. 1973; Bianco 2005]. Однако другие исследования показывают связь поведения парламентариев с их происхождением, например, из рабочего класса и бизнеса [Witko, Friedman 2008; Carnes 2012; Chaisty 2013b: 729–732]. Наконец, особенности источников рекрутирования законодательной элиты важны и потому, что связаны с такими её характеристиками, как сплочённость (важной её предпосылкой способна служить гомогенность социально-профессионального профиля депутатов) и легитимность, которая может зависеть от того, насколько элита представительна в социологическом плане [Putnam 1976: 43–44; Matthews 1984: 556; Edinger 2010: 132].

Предметом исследования стали социально-профессиональные источники рекрутирования депутатов Государственной Думы РФ (далее — ГД) VI созыва. Хотя существует ряд исследований депутатского корпуса ГД [Гаман-Голутвина 2006а; 2006b; 2012; Semenova 2011; 2012а; Chaisty 2013а], VI созыв целиком, то есть включая депутатов, выбывших в ходе его работы, и занявших их место законодателей, не изучался. Кроме того, данное исследование было проведено по той же методике, что и выполненные ранее автором исследования федеральной административной и экономической элит России [Тев 2016а; 2016b], так что есть возможность сравнения элитных фракций. В исследуемую совокупность вошли все 532 депутата, работавших в ГД VI созыва (см. табл. 1).

Таблица 1

Состав Государственной Думы VI созыва

Группа депутатов	Количество (чел.)
Фракция ЕР	289
Фракция КПРФ	104
Фракция СР	74
Фракция ЛДПР	65
Руководство ГД (спикер, вице-спикеры, председатели комитетов, руководители фракций)	57
Всего депутатов	532

Метод предпринятого исследования можно определить как структурно-биографический анализ, поскольку изучалась социально-профессиональная структура политической элиты в связи с биографией составляющих её персон [Быстрова et al. 2008: 158]. Структурно-биографический метод не позволяет изучать такие субъективные факторы рекрутирования, как мотивация индивида, но даёт возможность установить, откуда приходят элитные персоны. Источниками биографической информации служили официальные сайты государственных органов, биографические порталы, материалы СМИ, документы компаний и проч. В некоторых случаях доступная информация была неполной, фрагментарной,

что налагает определённые ограничения на результаты исследования. Информация упорядочивалась и структурировалась в персональных файлах-анкетах, которые содержали, в частности, разделы, посвящённые дате и месту рождения, образованию и работе элитных персон, а затем статистически обрабатывалась.

В качестве показателя принадлежности депутатов к тем или иным социально-профессиональным категориям выступало наличие соответствующего опыта работы². В этом смысле один и тот же депутат мог на разных этапах своей карьеры относиться к различным категориям, но особое внимание уделялось профессиональной принадлежности парламентариев на момент их первого вхождения в ГД и избрания в ее VI созыв. Критерии отнесения к конкретным социально-профессиональным группам, таким как администраторы, силовики, бизнесмены и проч., описаны ниже в соответствующих разделах.

Далее будет раскрыта роль ряда социально-профессиональных категорий как поставщиков парламентариев. Некоторые из них нужно рассмотреть особо, поскольку они выступают важным источником рекрутирования российских депутатов. Другие хотя и малозначимы в этом качестве, но заслуживают внимания в плане сравнения ГД с legislatures других стран, где они широко представлены. Наконец, есть категории, которые слабо представлены в парламентах — как в России, так и за рубежом, — но их роль в качестве поставщиков депутатов требует анализа, поскольку они занимают важное место в социально-классовой структуре общества и сам факт отсутствия выходцев из них в legislature существен для понимания характера политической элиты. При таком подходе к выбору рассматриваемых социально-профессиональных категорий некоторые из них остались за рамками исследования.

Следует отметить, что социально-профессиональные источники рекрутирования депутатов ГД будут анализироваться на фоне характеристик законодателей стран Запада и постсоциалистической Европы, включая страны Балтии и Украину (научные исследования состава legislatures большинства других постсоветских государств обнаружить не удалось). Сравнение российских депутатов с политической элитой западных и других демократических стран представляется полезным, несмотря на различия в политических режимах. С одной стороны, ряд сходных черт (капиталистическая экономика и обусловленная ею социально-профессиональная структура; альтернативные выборы, хотя в России они и не отвечают критериям свободных и честных, как механизм формирования депутатского корпуса и проч.) может обуславливать некоторые общие закономерности рекрутирования. С другой стороны, такое сравнение позволяет лучше увидеть специфику российских законодателей, которую отчасти можно объяснить особенностями политических и экономических отношений, сложившихся в нашей стране.

Советская политико-административная номенклатура как источник рекрутирования парламентской элиты РФ

Одна из важных характеристик постсоветских элит — степень их укоренённости в структурах политико-административной власти советского общества. Надо сказать, что вопрос о роли номенклатуры как источника рекрутирования постсоциалистических элит широко обсуждался в научной литературе в связи с более общей проблематикой воспроизводства и циркуляции властных групп в ходе радикальной общественной трансформации [Крыштановская 1995; 2002a; Böröcz, Róna-Tas 1995; Hanley, Yershova, Anderson 1995; Szelényi, Szelényi 1995]. Важность данного вопроса, кроме прочего, связана с тем, что номенклатурный опыт может значимо влиять на ценности и аттитюды властных групп [Дука 2001; Сафронов 2010].

Исследования 1990-х — начала 2000-х гг. выявили, что в России, где трансформация проводилась в основном «сверху», уровень номенклатуризации элит был довольно высоким, выше, чем в ряде стран

² Следует отметить, что прочие характеристики, такие как возраст и образование, специально не изучались, но затрагивались в той мере, в какой они имеют отношение к профессиональному опыту (например, у силовиков период обучения в военных вузах является частью военной службы).

Восточной Европы, где переход к демократии происходил «снизу», путём массовой мобилизации [Крыштановская 1995: 64–65; 2002a: 42–43; Böröcz, Róna-Tas 1995: 767–768, 772–773; Hanley, Yershova, Anderson 1995; Szelényi, Szelényi 1995: 627–628; Semenova, Edinger, Best 2014: 286]. Однако с течением времени старение номенклатурных кадров способствовало сокращению их доли в элите.

Таблица 2

Номенклатурный опыт групп элиты РФ (доля в %)

Властные структуры	Группа элиты		
	Административная (N = 575)	Экономическая (N = 740)	Политическая (депутаты ГД)
Органы КПСС	1	2	15
Органы ВЛКСМ	3	3	14
Советские представительные органы (до 1989 г.)	1	1	8
Советские исполнительные органы (до 1989 г.)	6	3	6
Итого*	11	6	27

* Цифры в этой строке меньше суммы цифр в предыдущих строках, так как одно и то же лицо могло работать более чем в одном органе власти.

В таблице 2 показано, что ныне их присутствие в административной и экономической элитах РФ невелико, но думская элита гораздо более номенклатуризирована. Тем не менее, если сравнивать эти цифры с данными исследований прежних созывов [Pionszki, Edinger 2007: 153; Semenova 2011: 921], можно, вероятно, говорить о тенденции снижения доли номенклатуры в парламенте.

Впрочем, существенны межфракционные различия: из таблицы 3 видно, что КПРФ, как и партии-преемницы в других постсоциалистических странах [Pionszki, Edinger 2007: 153; Semenova, Edinger, Best 2014: 300], демонстрирует наибольший уровень присутствия номенклатуры (особенно партийной), а ЛДПР — наименьший.

Таблица 3

Номенклатурный опыт депутатов (доля в %)

Властные структуры	Группы депутатов				Все депутаты
	Фракция ЕР	Фракция КПРФ	Фракция СР	Фракция ЛДПР	
Органы КПСС	12	40	3	2	15
Органы ВЛКСМ	14	24	12	2	14
Советские представительные органы (до 1989 г.)	9	17	1	2	8
Советские исполнительные органы (до 1989 г.)	8	8	4	2	6
Итого*	26	52	16	5	27

* Цифры в этой строке меньше суммы цифр в предыдущих строках, так как одно и то же лицо могло работать более чем в одном органе власти.

Данная тенденция, вероятно, связана не только с особенностями партийной истории и идеологии, но и с возрастными различиями между фракциями, самая молодая из которых — ЛДПР, а самая пожилая — КПРФ. По сути, одной из важных функций КПРФ стало обеспечение в постсоветских условиях политического выживания бывшей номенклатуры в депутатском качестве.

Политическая профессионализация как тенденция постсоветской карьеры депутатов

По сравнению с номенклатурным опытом постсоветский опыт работы в органах политико-административной власти до избрания в VI созыв ГД гораздо более распространён среди депутатов. Важнейшей тенденцией их постсоветской карьеры является политическая профессионализация (кстати, проведённый ранее анализ административной и экономической элит РФ показал, что профессионализация — также основная тенденция рекрутирования: на момент вхождения в текущую должность члены элит обычно уже имели опыт работы в соответствующей сфере и занимали в ней ключевые позиции). В случае парламентской элиты профессионализация связана с наличием политического опыта перед вхождением в нынешнюю должность. Такой опыт может быть разнообразным, но если говорить о профессионализации в узком смысле, то речь идёт о членстве в парламенте до избрания в его нынешний состав и в связи с этим о преемственности депутатского корпуса от созыва к созыву.

Исследования парламентской элиты на Западе показывают высокий уровень её профессионализации: большинство депутатов на момент избрания в действующий созыв заседали в предшествующем созыве парламента [Matland, Studlar 2004: 92–94]. В принципе, это неудивительно и отчасти объясняется политическими преимуществами инкубентов, к которым относятся наличие опыта избирательной борьбы и парламентской деятельности; узнаваемость имени депутатов, чья работа довольно широко освещается СМИ; штат помощников; возможность использования своей властной позиции и связанных с ней ресурсов для оказания услуг избирателям с целью обеспечения поддержки с их стороны, а также для налаживания связей в кругах элиты, благодаря чему приобретаются влиятельные союзники во время выборов [Erikson 1971: 395; Медведев 2010: 76–77; Григорьева 2012: 14–15]. Надо сказать, что такая преемственность имеет противоречивые последствия [Putnam 1976: 66–67; Best et al. 2001: 80; Shabad, Slomczynski 2002: 333; Matland, Studlar 2004: 88–89; Iłonszki, Edinger 2007: 157]. С одной стороны, низкий уровень обновления элиты может негативно влиять на инновационность и гибкость политической системы, подрывать восприимчивость парламента к меняющимся общественным интересам, способствовать изоляции законодателей от народа. С другой стороны, высокий уровень сменяемости ведёт к недостатку компетентности, слабому усвоению ролей, подрывает развитие корпоративного духа, тем самым снижая эффективность работы парламента, а также ослабляет его по отношению к более устойчивой правительственной бюрократии.

Что касается ГД, то тенденция к воспроизводству депутатского корпуса также весьма заметна и, согласно ряду исследований, усиливается [Гаман-Голутвина 2012: 134; Завадская 2012: 121].

Таблица 4

Парламентский опыт депутатов ГД VI созыва (доля в %)

Группа депутатов	Работали в ГД V созыва	Работали в трёх созывах ГД и более	Работали во всех шести созывах ГД
Фракция ЕР	46	27	1
Фракция КПРФ	48	35	7
Фракция СР	41	22	3
Фракция ЛДПР	35	20	2
Руководство ГД	72	54	9
Все депутаты	44	27	3

Как показано в таблице 4, 44% депутатов ГД VI созыва работали в предшествующем созыве, причём среди руководства ГД (спикер и вице-спикеры, председатели комитетов и руководители фракций) опыт членства в её прежних созывах гораздо более распространён; на руководящие посты чаще избираются более опытные депутаты. В связи с этим стоит отметить, что стаж парламентской работы также является важным фактором при рекрутировании на ключевые посты и в legislatures США и многих стран Европы [Polsby, Gallaher, Rundquist 1969; Frankland 1977; Shabad, Slomczynski 2002: 354]. Тем не менее уровень преемственности и профессионализации парламентской элиты РФ, как и постсоциалистических стран Европы [Pionszki, Edinger 2007: 155–157, 160; Kuklys 2013: 167], ниже, чем в странах Запада. На возможности переизбрания депутатов и длительность парламентских карьер, в частности, негативно влияла электоральная неустойчивость и — в определённой степени — связанная с ней нестабильность партийной системы в постсоветский период [Гельман 2006]. Также воспроизводству состава парламента не способствовала нестабильность избирательной системы: в 2007 и 2011 гг. ГД избиралась не по смешанной, как ранее, а по пропорциональной системе, которая, вообще, по сравнению с мажоритарной больше благоприятствует обновлению legislatures [Matland, Studlar 2004: 101, 103–104]. Кроме того, профессионализацию может сдерживать и то, что слабость парламента, играющего во многом декоративную роль в системе власти, способствует, даже несмотря на высокую зарплату и другие привилегии депутатов, уменьшению его привлекательности как места для длительной карьеры; депутатская позиция может использоваться просто как трамплин для занятия постов в административных, экономических и проч. структурах. Наконец, на преемственность парламентской элиты негативно влияло рекрутирование части депутатов VI созыва от «Единой России» через Общероссийский народный фронт (ОНФ), когда ставка делалась на политических новичков [Chaisty 2013a: 11].

Впрочем, политический опыт не сводится к членству в национальном парламенте, политическую профессионализацию можно рассматривать шире. Важная его разновидность — членство в представительных органах регионального и местного уровней. Зарубежные исследования показывают, что в разных странах степень распространённости такого опыта среди депутатов весьма неодинакова [Stolz 2003: 228]. Что касается ГД, то, как видно из таблицы 5, значительная часть её членов в постсоветский период были региональными депутатами, обладающими на выборах в парламента, хотя и в меньшей степени, рядом тех преимуществ, которые имеют думские инкумбенты.

Таблица 5

Опыт членства депутатов ГД в региональных и местных органах представительной власти РФ после 1993 г. (доля в %)

Группа депутатов	Региональные законодательные собрания	Местные представительные органы	Итого*
Фракция ЕР	26	13	34
Фракция КППРФ	45	16	49
Фракция СР	39	16	49
Фракция ЛДПР	34	15	42
Все депутаты	33	14	40

* Цифры в этом столбце меньше суммы цифр в предыдущих столбцах, так как одно и то же лицо могло работать более чем в одном органе.

В целом, если учитывать постсоветский опыт членства в представительных органах любого уровня, на момент избрания в VI созыв его имели более 70% думцев.

Наконец, говоря о политическом опыте, нужно упомянуть и о работе помощниками депутатов, а также на некоторых должностях в аппарате представительных органов, таких, например, как референты

аппарата фракций. Близость их к действующим парламентариям, которые часто являются партийными лидерами, повышает шансы занять проходное место в избирательном списке на очередных выборах. Более одной пятой (22%) парламентариев имели такой опыт, причём 7% занимали такие должности на момент избрания в VI созыв, а 9% — на момент первого избрания в ГД. Но межфракционные различия велики: наиболее распространён подобный опыт во фракции ЛДПР (его имели 65% депутатов), а наиболее редок во фракции ЕР (8%).

Конечно, нередко помощники депутатов работают на общественных началах, а члены региональных и местных legislatures осуществляют свои полномочия на непостоянной основе. В этом случае, если политический опыт и приобретается, политика не становится основной работой и источником дохода, которые обычно находятся вне политической сферы. Впрочем, даже если учитывать только основную работу на таких позициях, как член представительного органа, его помощник, сотрудник аппарата legislatures, а также партийный деятель, то окажется, что большинство (59%) парламентариев на момент избрания в VI созыв были профессиональными политиками. Причём по этому показателю наиболее профессионализированной является фракция КППРФ, а наименее — «Единая Россия».

Выходцы из административных структур в составе депутатского корпуса

Зарубежные исследования показывают, что администраторы, чиновники — важный источник рекрутирования парламентской элиты в ряде стран как с демократическими, так и с авторитарными режимами [Norris, Lovenduski 1995: 185; Malesky, Schuler 2010: 5–6; Semenova 2012b: 548; Semenova, Edinger, Best 2014: 291–292]. Это, в общем, неудивительно, учитывая близость политической и административной сфер (в смысле как тесноты взаимодействия, так и определенного сходства знаний и навыков, необходимых для работы в них). Что можно ожидать в плане присутствия администраторов в ГД, исходя из характеристик политической системы РФ? Ситуация неоднозначна. В России ГД играет слабую, второстепенную роль и с 2000-х гг. подконтрольна главе государства. Парламентская ответственность правительства фактически отсутствует [Зазнаев 2006: 18; 2007: 153–154]; члены правительства РФ, в отличие от министров многих демократических стран, редко имеют парламентский опыт [Тев 2016а: 123], а совмещение депутатского мандата с правительственным постом, принятое в ряде государств, не допускается. Это не способствует притоку в парламент административных кадров. Во-первых, отсутствие у высших администраторов опыта избрания и работы в парламенте уменьшает вероятность того, что после своей отставки они окажутся в депутатских креслах. Во-вторых, нетипичность рекрутирования федеральных министров из депутатов ГД тот факт, что парламентские позиции редко служат трамплином для занятия должностей в правительстве, должны снижать привлекательность членства в парламенте для персон с прогрессивными амбициями, включая чиновников, стремящихся достичь вершины административной иерархии. Тем не менее нужно отметить, что в России у парламентариев есть возможности для административной карьеры: они переходят на посты губернаторов, вице-губернаторов, высокопоставленных федеральных чиновников. В-третьих, слабость парламента также уменьшает привлекательность депутатской карьеры для администраторов, потому что такого рода переход часто означает утрату реальной власти. Однако парламентская должность, которая по сравнению с административным постом требует обычно меньше затрат времени и усилий и в то же время довольно престижна и высокооплачиваема, может служить синекурой или запасным аэродромом для администраторов, вынужденных оставить свой пост. Избрание в парламент для них не только форма почётной отставки и вариант продолжения карьеры после выхода на пенсию, но и возможность дожидаться в удобном кресле нового назначения.

В то же время контроль президента над ГД может быть позитивно связан с притоком чиновников в парламент в том смысле, что рекрутирование на ключевые посты в нижней палате высокопоставленных администраторов, пользующихся его доверием, может выступать формой проявления и способом под-

держания такого контроля. Кстати, подобная практика распространена в региональных парламентах, где высшие посты нередко занимают чиновники, работавшие под непосредственным руководством губернатора [Тев 2015: 44–45]. Вхождению чиновников в ГД способствует и специфика доминирующей в парламенте партии. «Единая Россия», которую нередко называют партией бюрократии, сильно зависит от административной власти разного уровня, будучи, по сути, её «придатком» и инструментом бюрократического контроля над избирательным и законодательным процессом [Slider 2010: 262; Golosov 2011b: 636–637; Makarenko 2012: 43; Roberts 2012: 230; Sakwa 2012: 320]. Такой характер этой партии должен проявляться в относительно широком присутствии выходцев из администрации в её руководстве, избирательных списках и фракциях. Кстати, для самой парламентской фракции ЕР, постоянно взаимодействующей с правительством (как и для других фракций), бывшие высокопоставленные администраторы, обладающие знанием механизмов функционирования исполнительной власти и связями в ней, являются ценным ресурсом. Наконец, бюрократизация депутатского корпуса может быть обусловлена и тем, что на региональном уровне избирательный процесс во многом контролируется губернаторами [Golosov 2011a; 2011b], которые заинтересованы в том, чтобы иметь «своих людей» в ГД. В этом качестве могут выступать бывшие региональные чиновники, работавшие под руководством главы региона и пользующиеся его доверием (например, вице-губернаторы). Возможность использовать властные полномочия в избирательном процессе (следует отметить, что так называемый административный ресурс играет важную роль на выборах в РФ [Нисневич, Савинцева 2012]), известность в регионе и связи в элитных кругах делают их сильными кандидатами в депутаты ГД.

Каковы масштабы бюрократизации парламентской элиты? Как показано в таблице 6, почти треть депутатов, прежде всего членов фракции ЕР, имела в постсоветский период опыт работы (во многих случаях довольно продолжительный — пять и более лет) в административных структурах разного уровня (к которым были отнесены Администрация президента РФ, аппарат правительства РФ, федеральные и региональные органы исполнительной власти, местные администрации).

Таблица 6

Опыт работы депутатов в административных структурах в постсоветский период (доля в %)

Группа депутатов	Административные органы			Итого*
	Федеральные	Региональные	Местные	
Фракция ЕР	17	21	10	39
Фракция КППРФ	5	8	12	23
Фракция СР	7	19	3	27
Фракция ЛДПР	5	9	3	17
Все депутаты	12	17	9	32

* Цифры в этом столбце меньше суммы цифр в предыдущих столбцах, так как одно и то же лицо могло работать более чем в одном органе.

Реже были распространены непосредственные переходы из административных структур в парламент, что главным образом характерно для фракции «партии власти», как показано в таблице 7.

Таблица 7

Опыт работы депутатов в административных структурах перед избранием в ГД (доля в %)

Группа депутатов	Работа перед первым избранием в ГД	Работа перед избранием в VI созыв
Фракция ЕР	19	15*
Фракция КППРФ	1	0
Фракция СР	3	0
Фракция ЛДПР	3	2
Все депутаты	11	8**

* N = 290, поскольку один депутат избирался в VI созыв дважды.

** N = 533, поскольку один депутат избирался в VI созыв дважды.

Наконец, нужно отметить, что 5% депутатов в прошлом принадлежали к федеральной административной элите, причём среди руководства ГД таких депутатов, включая и спикера, больше — 11%. Кстати, по данным исследования федеральной административной элиты России 2013 г., 4% её членов имели опыт работы в ГД [Тев 2016а: 123]. Так что «динамические переплетения» [Kerbo, Della Fave 1979: 11] между федеральными административной и политической элитами получили некоторое распространение.

Силовые структуры как канал рекрутирования депутатов

Важным компонентом федеральной администрации являются силовые ведомства. В 2000-е гг. активно осуждалась роль силовиков как источника рекрутирования политико-административной элиты РФ, проблема милитаризации властных групп. Некоторые авторы определяли режим, установившийся при В. Путине, как милитократию [Крыштановская 2002b; 2005: 264–284; Kryshtanovskaya, White 2003]. Отмечался массовый приток силовиков в элиту в начале 2000-х гг. и указывалось, что эта тенденция может обуславливать — из-за особенностей социализации таких персон в жёстко-иерархической среде — усиление авторитарных тенденций в российской политике. Некоторые аналитики также предсказывали, что приток силовиков в элиту приведёт к тому, что внешняя политика России станет более агрессивной и милитаристской [Rivera, Rivera 2006: 127]. Впрочем, концепция милитократии была подвергнута значительной критике [Renz 2006; Rivera, Rivera 2006; Ривера, Ривера 2009; Дука 2012].

Нужно, однако, отметить, что тезис о доминировании силовиков во власти прежде всего доказывался в отношении таких структур, как Совет безопасности, Администрация президента и правительство РФ [Крыштановская 2002b: 162]. В то же время было показано, что по сравнению с ними в начале 2000-х гг. в ГД, играющей второстепенную роль в системе власти, доля силовиков была невелика, хотя и выше, чем в начале 1990-х гг. [Гаман-Голутвина 2006b: 70]. Тем не менее в международной сравнительной перспективе показательно, что, по данным исследований, в 2000-е гг. доля военных в ГД намного превышала их долю в парламентах стран Европы [Cotta, Tavares de Almeida 2007: 60, 64–65; Ponszki, Edinger 2007: 149].

В таблице 8 показано, что в VI созыве ГД каждый седьмой депутат получил образование в подведомственных силовым структурам вузах, и каждый шестой работал, не считая службы по призыву, в силовых структурах³ (к ним были отнесены Министерство обороны, ФСБ (в советское время — КГБ), МВД, МЧС, ФСИН, СВР, ФСО, ФСКН, ГФС, ГУСП, ФТС, ФСНП).

³ Без учёта гражданских служащих указанных ведомств.

Таблица 8

Силовой опыт групп элиты (доля в %)

Группа элиты	Тип опыта	
	Получили образование в «силовых» вузах	Служили в силовых структурах (кроме службы по призыву)
Административная ($N = 575$)	23	28
Экономическая ($N = 740$)	6	7
Политическая (ГД)	14	17

Как видно из таблицы 8, по уровню присутствия силовиков политическая (думская) элита уступает федеральной административной элите, но превосходит экономическую элиту страны.

Несмотря на заметную милитаризацию, говорить о доминировании силовиков в ГД неправомерно, не только потому, что они составляют меньшинство депутатов, но и по другим причинам. Во-первых, хотя председатель ГД VI созыва, возможно, служил в КГБ, доля силовиков в руководящем слое ГД не выше средней по парламенту. Во-вторых, прямое их рекрутирование в парламент является редким: не более 1% депутатов были силовиками к моменту избрания в VI созыв ГД и немногим больше — ко времени первого избрания в парламент. Часть персон с силовым опытом перед избранием в ГД прошли длительный путь гражданской социализации. В-третьих, депутаты, имеющие силовой опыт, довольно разношёрстная группа в плане ведомственной принадлежности, срока службы, должности на пике карьеры в силовых структурах. В частности, с органами госбезопасности профессионально связаны не более 2–3% депутатов (даже при учёте спорных случаев). Эта гетерогенность не способствует сплочённости депутатов, вышедших из силовых структур. Бывшие силовики принадлежат к разным фракциям и, как отмечалось, голосуют по-разному [Гаман-Голутвина 2012: 130]. Вообще, не доказано, что силовой опыт значимо влияет на политическое поведение депутатов.

Тем не менее широкое, на фоне парламентов Европы, присутствие выходцев из силовых структур в ГД остаётся фактом (кстати, есть и другие авторитарные парламенты, которые отличаются довольно существенной милитаризацией, например, вьетнамский [Malesky, Schuler 2010: 5–6]). Нужно отметить, что доля военных в населении РФ выше, чем в большинстве стран Европы [Дзись-Войнаровский 2012]. Это обстоятельство способно увеличивать шансы военных на избрание в парламент, поскольку их доля может быть выше как среди избирателей, которые могут голосовать по принципу «зеркального представительства», так и (хотя необязательно) среди граждан, имеющих право быть избранными, потенциальных кандидатов. Кроме того, армия является одним из тех институтов, которым граждане России доверяют в наибольшей степени [Институты власти... 2012; Институциональное доверие 2015]. Также, согласно опросам, в сознании граждан весьма значимы ценности «порядка» (он ценится гораздо выше, чем демократия и права человека) [Большинство россиян... 2015; World Values... 2016], олицетворением которого могут считаться силовики [Крыштановская 2002: 159–160]. Такие особенности массового сознания способны повышать электоральную привлекательность персон с силовым опытом, их шансы на выдвижение и избрание в ГД. Впрочем, непосредственно силовики редко избираются в ГД; депутаты с таким опытом перед вхождением в парламент часто работали в гражданской сфере, и это обстоятельство позволяет выдвинуть ещё одно объяснение. Относительно широкое присутствие персон с силовым опытом в ГД отчасти может корениться в реформировании и сокращении силовых структур в постсоветский период, когда многие военные сменили сферу деятельности, сделав гражданскую карьеру в других областях, например в бизнесе и административных структурах, которые являются важными каналами рекрутирования депутатов.

Бизнес как источник рекрутирования политической элиты

Выходцы из бизнеса в неодинаковой степени присутствуют в парламентах различных стран. Бизнесменов сравнительно много в парламентах Великобритании и США [Miller 1995: 58; Norris, Lovenduski 1995: 185; Best et al. 2001: 73–74; Tronconi, Verzichelli 2007: 381; Witko, Friedman 2008], а также ряда постсоциалистических государств Европы, например Украины и стран Балтии [Semenova, Edinger, Best 2014: 291]. В то же время их доля в парламентах большинства стран Западной Европы (например, ФРГ [Best et al. 2001: 73–74; Tronconi, Verzichelli 2007: 381]) сравнительно невелика (в среднем по странам Западной Европы она составляла 12% [Best 2006: 25]).

Исследования показывают, что бизнес систематически широко представлен в парламенте РФ, и по уровню его присутствия ГД существенно превосходит законодательные органы почти всех европейских стран. Так, выходцы из бизнеса составляли в среднем 35% депутатов ГД первых пяти созывов [Semenova 2011: 913]. В ГД VI созыва 36% депутатов — выходцы из бизнеса и менеджмента [Гаман-Голутвина 2012: 127, 130], причём бизнесмены составляют более трети членов фракции ЕР [Chaisty 2013a: 10].

В данном исследовании под выходцами из бизнеса понимались прежде всего те депутаты, которые в постсоветский период (после 1991 г.) имели опыт работы на ключевых должностях (генеральные директора, президенты, председатели правления, председатели совета директоров и их заместители, директора по направлениям) в экономических (коммерческих) структурах либо индивидуальными предпринимателями. Как видно из таблицы 9, такой профессиональный опыт был примерно у половины депутатов.

Таблица 9

Опыт работы депутатов на ключевых позициях в экономических структурах или индивидуальными предпринимателями (доля в %)

Группа депутатов	Наличие опыта после 1991 г.	Работа перед первым избранием в ГД	Работа перед избранием в VI созыв
Фракция ЕР	47	31 (29)*	16 (16)**
Фракция КПРФ	42	25 (23)	10 (10)
Фракция СР	63	38 (35)	27 (24)
Фракция ЛДПР	65	31 (26)	17 (17)
Все депутаты	51	31 (28)	17 (16)***

* В скобках указана доля депутатов, у которых на момент избрания бизнес был основным местом работы.

** N = 290, поскольку один депутат избирался в VI созыв дважды.

*** N = 533, поскольку один депутат избирался в VI созыв дважды.

Если учесть также депутатов, которые в постсоветское время были крупными совладельцами фирм, то доля выходцев из бизнеса достигнет 56%. Немало в парламенте и прямых выходцев из бизнеса, причём с учётом крупных совладельцев фирм доля депутатов, тесно связанных с бизнесом на момент первого избрания в ГД и избрания в её VI созыв, возрастёт соответственно до 41 и 34%. Из таблицы 9 также видно, что есть межфракционные различия: несколько меньше выходцев из бизнеса во фракции КПРФ. Стоит отметить, что, как показано в таблице 10, по доле выходцев из бизнеса думская элита существенно превосходит федеральную административную элиту.

Таблица 10

Опыт работы членов групп федеральной элиты на ключевых позициях в экономических структурах или индивидуальными предпринимателями в постсоветский период (доля в %)

Группа элиты	Наличие опыта работы в постсоветский период	Работа до занятия нынешней должности
Административная	31 (N = 575)	6 (N = 554)
Политическая (ГД)	51	16

Широкое присутствие бизнеса в ГД обусловлено рядом факторов. Говоря о причинах заинтересованности бизнесменов в парламентском представительстве, следует прежде всего отметить, что процесс накопления капитала существенно зависит от государственной власти и политики. Хотя такая зависимость характерна для всех стран, она, вероятно, особенно сильно проявляется в таких странах, как Россия. В нашей стране, как показывают исследования, сложился «капитализм для своих» («кумовской капитализм»), при котором политические связи (связи с государственной властью) имеют первостепенное значение для успешного ведения бизнеса [Our Crony-Capitalism Index... 2014; Волкова 2016] (см. также: [Faccio 2006]). В этом плане депутатский мандат может быть полезен, поскольку облегчает доступ к чиновникам и другим влиятельным лицам и, конечно, даёт возможность участвовать в законотворческом процессе в интересах фирмы, отрасли, бизнеса в целом. Ряд исследований эмпирически подтверждают, что выходцы из бизнеса склонны использовать мандат в своих экономических интересах [Witko, Friedman 2008; Chaisty 2013b]. Однако интерес бизнеса к членству в парламенте не сводится к материальной, лоббистской составляющей. Для бизнесменов может быть важна и неприкосновенность, которой пользуются депутаты ГД, особенно учитывая то, что накопление капитала в постсоветский период часто велось с нарушением законов. Кроме того, для бизнесменов должность депутата ГД привлекательна статусом, престижем; также свою роль играют и мотивы самореализации в политической сфере. Наконец, неудачи в бизнесе способны мотивировать капиталистов к переходу на работу в ГД, тем более что зарплата депутата довольно высока.

Впрочем, не стоит преувеличивать мотивацию бизнесменов, особенно крупных, избираться в ГД. Российский парламент в целом является слабым органом, занимающим второстепенное место в политической системе, и интерес к депутатскому мандату руководителей крупных компаний, которые часто имеют прямой доступ к исполнительной власти, может быть невысок. В связи с этим примечательно, что П. Чейсти выявил тенденцию снижения представительства в ГД наиболее могущественных экономических интересов, связанных с финансовой, энергетической и добывающей отраслями, по мере ужесточения контроля исполнительной власти над возможностями парламентского лоббирования [Chaisty 2013b: 733]. Кроме того, многие бизнесмены вообще сторонятся публичности, исходя из принципа «деньги любят тишину». Для того чтобы иметь представительство в парламенте, бизнесменам необязательно самим избираться депутатами: они могут финансировать кампании других депутатов или просто подкупать их. Впрочем, всегда есть опасность неверности таких ставленников, которые могут отказаться от выполнения своих обязательств, поэтому стратегия личного присутствия в парламенте более надёжна. Наконец, важно учитывать институциональный дизайн ГД: статус депутата предполагает работу на постоянной основе и несовместим с членством в органах управления компаниями. Однако высшим менеджерам крупных фирм такая смена работы, как правило, невыгодна, поскольку означает потерю как контроля над капиталом, так и части доходов. В этом, кстати, отличие ГД от большинства региональных парламентов, где депутаты могут работать на непрофессиональной основе, совмещая законотворчество с бизнесом или иной основной занятостью.

Важнейший ресурс, который бизнесмены могут использовать для успешной избирательной кампании, это финансовые средства. От доступа к ним, несмотря на государственное финансирование, суще-

ственно зависят политические партии [Wilson 2007; Коргунюк 2010; Шлейнов 2010; Hutcheson 2012]. В 2011 г., когда проводились выборы в ГД, пожертвования (прежде всего юридических лиц) составили основную часть денежных средств, поступивших на осуществление уставной деятельности у всех четырёх думских партий (см.: [Сводный финансовый отчёт... «Единая Россия» 2012; Сводный финансовый отчёт... КПРФ 2012; Сводный финансовый отчёт... ЛДПР 2012; Сводный финансовый отчёт... «Справедливая Россия» 2012]). Говоря о политических ресурсах бизнесменов, следует не забывать и о средствах массовой информации, которыми они нередко владеют. Также важно отметить, что под властью капиталистов находятся более или менее крупные трудовые коллективы, и зависимость на рабочем месте — благоприятное условие для оказания политического влияния со стороны работодателя (агитация на предприятии, организованный подвоз рабочих на избирательные участки и проч.) (см.: [Golosov 2013: 477]). Наконец, главы крупнейших фирм, являющихся основными работодателями и налогоплательщиками в городах и регионах (а также иногда имеющих на своём балансе крупные учреждения социальной сферы), обладают значительной структурной властью. Зависимость благосостояния избирателей и доходов бюджета от успешной работы таких фирм облегчает их руководству представление своих частных интересов как всеобщих, что служит важной предпосылкой успешной предвыборной агитации. В то же время находящиеся в многообразной зависимости от капитала региональные и местные власти могут оказывать административную поддержку кандидатам-бизнесменам.

Какой именно бизнес — в плане размера, формы собственности и отраслевой принадлежности — представлен в ГД VI созыва? В частности, каковы масштабы присутствия крупного по общероссийским меркам капитала в ГД и насколько переплетены экономическая и политическая элиты РФ? В данном исследовании представителями крупного капитала считались, во-первых, персоны, которые на момент избрания в ГД VI созыва занимали ключевые должности в компаниях, входивших в список крупнейших (по версии журнала «Эксперт»), или в контролируемых ими фирмах, а также в бизнес-структурах, которые были крупными акционерами таких компаний. Во-вторых, те персоны, которые на момент избрания или во время работы в ГД VI созыва были крупными совладельцами фирм, входящих в тот же рейтинг. В-третьих, депутаты, входившие в список богатейших бизнесменов (по версии Forbes) в 2011–2016 гг., то есть перед избранием или в период работы в ГД VI созыва. В общей сложности это примерно 4% депутатов⁴. Почти все — члены фракции ЕР, и только один принадлежит к «эсерам». Важно отметить, что переходы с ключевых должностей в крупнейших фирмах или контролирующих их холдингах как основного места работы в ГД очень редки (их всего два) и ограничиваются теми топ-менеджерами, которые принадлежат к семьям, владеющим этими структурами, могут, вероятно, легко вернуться на прежние позиции в случае ухода из ГД. Чаще будущие депутаты руководили компаниями, в которых крупнейшие фирмы (например, «Газпром», «Татнефть», «КамАЗ») являются контролирующими акционерами.

В принципе, список депутатов, связанных с крупным капиталом, можно расширить за счёт персон, которые на момент избрания в ГД хотя и не были бизнесменами (крупными собственниками или топ-менеджерами), но работали средними менеджерами, а также специалистами или советниками руководства указанных выше экономических структур (примерно 1% депутатов). Также в число персон, тесно связанных с крупным капиталом, могут быть включены и лица, которые не входят в указанные выше категории, но имеют родственников, владеющих крупнейшими фирмами и (или) входящих в рейтинг Forbes. При таком более широком толковании к представителям крупного капитала относятся примерно 6% депутатов, и лишь часть из них на момент избрания или во время работы в VI созыве входила в состав экономической элиты общероссийского уровня (около 3% депутатов). Стоит отметить, что, по данным исследования экономической элиты РФ, 3% её членов имели опыт работы в ГД [Тев 2016b: 98].

4 Ещё два депутата, будучи до избрания чиновниками, занимали посты председателей советов директоров компаний, контролируемых государством, но покинули их примерно за месяц до дня выборов в ГД.

В общем, персональные переплетения экономической и политической элит РФ имеют место, хотя их немного.

Какой бизнес представлен в ГД с точки зрения формы собственности? Среди депутатов немного тех, кто на момент избрания в VI созыв нижней палаты занимал ключевые должности в фирмах, в которых государство или муниципальная власть — крупнейший или единственный владелец (в частности, всего один депутат работал на такой позиции на государственном унитарном предприятии); в основном в ГД присутствуют представители частного сектора.

Наконец, какой бизнес представлен в ГД в отраслевом разрезе? Обстоятельный анализ отраслевой структуры бизнеса, присутствующего в ГД первых пяти созывов, а также во фракции ЕР в ГД VI созыва, проведён П. Чейсти [Chaisty 2013a; 2013b]. В задачу данного исследования не входил столь же исчерпывающий анализ, какой был проведён британским специалистом. Однако стоит отметить заметные межфракционные различия в отраслевой принадлежности тех фирм, в которых депутаты на момент избрания в VI созыв занимали ключевые посты или, по данным об имуществе и доходах, опубликованным ЦИК перед выборами 2011 г., а также по некоторым более поздним данным, являлись крупными совладельцами. По сравнению с другими фракциями во фракции ЕР гораздо шире представлена промышленность — не только пищевая, но и машиностроительная, металлургическая и добывающая. В то же время немало депутатов фракции ЕР связаны с таким экономическим сектором, как строительство, девелопмент и недвижимость. Этот сектор является одним из наиболее представленных во фракциях ЛДПР, СР и КПРФ (правда, если в одних случаях соответствующие фирмы — основа бизнеса депутатов, то в других — лишь одна из его составляющих, нередко второстепенная). Стоит отметить, что такой бизнес сильно зависит от властей (доступ к земельным участкам и государственным подрядам, режим градостроительного регулирования) и широко присутствует во многих местных и региональных легислатурах [Тев 2012: 69; 2013: 86–87].

Юристы в депутатском корпусе

Юристы — профессиональная группа, выходцы из которой сверхпредставлены в парламентах многих стран по сравнению с долей в занятом населении. По словам М. Догана, «юрист является одной из наиболее привычных фигур на законодательном форуме, поскольку юридическая профессия, кажется, предрасполагает людей к политической карьере» [Dogan 2003: 38]. Это проявляется в ряде аспектов, описанных в литературе [Schlesinger 1957: 27; Podmore 1977: 165–185; Miller 1995; Dogan 2003: 38–39]. Профессия юриста формирует знания и навыки, полезные в политической деятельности. Среди них — привычка выступать на публике, умение аргументировать свою позицию, посредничать в конфликте, знание нормативно-правовой базы. Также у юристов обычно довольно гибкий график работы, оставляющий время для занятия политикой. Более того, поскольку законодательство в стабильных обществах меняется довольно медленно, юристы могут уйти в политику и временно оставить свою работу, а затем сравнительно легко вернуться к ней: их знания не устареют. Наконец, политическая деятельность выгодна для юридической практики, так как даёт возможность юристам рекламировать себя, повышать узнаваемость своего имени, налаживать связи, способствующие привлечению клиентов.

Доминирование юристов наблюдается прежде всего в Конгрессе США, где их доля в 1995 г. превышала 40%, но при тенденции к снижению [Miller 1995: 59–60]. Вообще, для политической культуры США характерно оценивание политических результатов на основе легальных стандартов, поэтому юридическая профессия считается легитимным источником политического руководства [Miller 1995: 65]. В парламентах стран Западной Европы доля практикующих юристов гораздо меньше; в среднем — около 7% в 2000-е гг. при длительной тенденции к снижению [Cotta, Verzichelli 2007: 427], которая связана с изменением форм политического представительства (профессионализация политики) и государствен-

ного вмешательства (распространение экономического и социального регулирования и рост спроса на депутатов — специалистов в этих областях) [Cotta, Verzichelli 2007: 428; Gaxie, Godmer 2007: 123].

В России доля практикующих юристов в парламенте невелика, как и в ряде постсоциалистических государств Европы, в том числе в странах Балтии [Гаман-Голутвина 2012: 129; Kuklys 2013: 66, 84–86; Semenova, Edinger, Best 2014: 290]. Исследование показало, что доля депутатов ГД, имевших адвокатский опыт, составляет примерно 2% (в 2009 г. адвокаты составляли всего 0,04% населения РФ [Государственная программа... 2011]). Вместе с депутатами, которые занимали должности юристов в различных организациях, помощников адвокатов, а также руководили юридическими фирмами, доля юристов не превысит 4%, причём не более 1,5% были ими на момент первого избрания в ГД (кроме того, порядка 3% депутатов имели опыт работы судьями или в органах прокуратуры).

Довольно небольшое присутствие юристов в ГД объяснимо. В России по сравнению с западными странами, особенно с США, роль права в общественной и политической жизни, мала, что отчасти является наследием советской эпохи. В 2012 г., согласно Индексу верховенства закона, РФ заняла последнее место в своей экономической группе [Волкова 2012]. Соответственно скромнее, чем на Западе, должна быть и роль юристов (кстати, по числу адвокатов на душу населения РФ уступает многим странам Запада, прежде всего США [Соловых 2015: 17]). Кроме того, понятно, что сдвиги в политической элите не всегда происходят одновременно с изменением социально-исторического контекста, в котором она формируется, и её состав может отчасти отражать особенности прежних эпох. В этом смысле важно, что периоду функционирования современного российского парламентаризма предшествовала социалистическая эпоха, а не те ранние этапы эволюции буржуазного государства с присущими им формами политического представительства и государственного вмешательства, которые в прошлом обусловили относительно высокую долю юристов во многих парламентах Европы, в дальнейшем постепенно снижавшуюся.

Преподаватели и другие работники сферы образования и науки как источник рекрутирования депутатов

Как показывают зарубежные исследования, одна из профессиональных групп, сверхпредставленных в парламентах многих стран, — это учителя и преподаватели. Эта профессия обеспечивает ряд ресурсов и возможностей для успешной политической карьеры. Согласно Э. Кингу, учительство и чтение лекций в колледжах и университетах являются одной из «профессий, содействующих политике» (*politics-facilitating*). Как пишет этот автор, суммируя политические преимущества таких профессий, они «предлагают широкий ряд контактов, гибкие паттерны работы, длинные выходные, большие возможности для отпуска и возможность практиковать политически релевантные умения, такие как письмо и публичное выступление. Более того, для людей этих профессий политика считается подходящей деятельностью, а не той, которая противоречит профессиональным нормам» [King 1981: 261]. Также отмечается, что широкое присутствие среди депутатов преподавателей может отражать востребованность в парламенте и в условиях «социального государства» деятелей, компетентных в различных областях — в экономике, социальных науках и проч. [Gaxie, Godmer 2007: 128].

В legislatures стран Западной Европы в 2000-е гг. учителя и преподаватели были одной из наиболее широко представленных профессиональных групп, составляя в среднем более 15% депутатов [Cotta, Tavares de Almeida 2007: 60]. В первых демократически избранных парламентах постсоциалистических стран Европы доля их достигала 22% [Ilnszki, Edinger 2007: 147–148], что было связано с важной ролью интеллигенции на начальном этапе посткоммунистической трансформации [Kuklys 2013: 68], но затем снизилась: ныне почти каждый седьмой депутат — выходец из этой группы.

В России доля преподавателей в постсоветских парламентах была сравнительно невелика [Semenova 2011: 914; Гаман-Голутвина 2012: 128; Semenova, Edinger, Best 2014: 291]. По данным нынешнего исследования, хотя существенная доля депутатов имели опыт научно-педагогической работы, у многих он относится к началу трудовой деятельности и не является определяющим в карьере. Только у 10% парламентариев к моменту их первого избрания в ГД основное, по данным ЦИК, место работы было в сфере образования и науки. Причём 3% принадлежали к высшему руководству учебных заведений (директоры, ректоры, проректоры, которые, конечно, могли совмещать свои функции с преподаванием); ещё 3% по своей основной работе были учителями школ или относились к профессорско-преподавательскому составу вузов, а около 2% занимали различные должности в научных институтах. К моменту избрания в VI созыв ГД у 4% депутатов основное место работы было в научно-образовательной сфере: 2% входили в топ-менеджмент учебных заведений и 1%, не занимая высших должностей, работали учителями в школах или входили в профессорско-преподавательский состав вузов. Хотя профессия учителя — одна из тех, которые пользуются в обществе наибольшим уважением и доверием [Самые уважаемые профессии... 2012], только два депутата на момент избрания в VI созыв ГД были простыми учителями.

Ряд факторов могут негативно влиять на представленность преподавателей и других выходцев из образования и науки в ГД. Во-первых, в нынешней России роль «дискурсивных умений» в политическом процессе относительно невелика и сильно уступает значению административных рычагов и финансовых ресурсов (соответственно, политические преимущества имеют не столько «профессиональные болтуны», в частности преподаватели, сколько чиновники и бизнесмены). В некоторой степени это связано с тем, что в условиях авторитарного правления возможности политической дискуссии и агитации, включая критику оппонентов, в период избирательных кампаний сильно ограничены, даже на законодательном уровне (см.: [Об основных гарантиях... 2002; Мониторинг... 2016]). Кроме того, влияние коммуникативных навыков, способности убеждать избирателей на шансы прохождения в парламент ограничивается несвободным и нечестным характером выборов, когда электорат широко подвергается административному воздействию, а официальные результаты выборов лишь отчасти отражают реальное волеизъявление. Также востребованность среди депутатов персон, обладающих «дискурсивными умениями», снижается характером российского парламентаризма. ГД, которая, по словам её бывшего спикера, не должна быть площадкой для политических баталий, действительно, во многом напоминает машину для быстрой, не предполагающей длительных обсуждений штамповки законопроектов, инициированных администрацией (см.: [Шульман 2014]). Наконец, может быть важен и характер избирательной системы. При пропорциональной системе выборов в ГД V и VI созывов, когда избиратели голосовали за партийные списки, роль коммуникативных умений и, вообще, личных качеств кандидатов в избирательной борьбе должна быть меньше в сравнении с выборами по одномандатным округам.

Во-вторых, как уже отмечалось, значительное присутствие учителей и преподавателей вузов в парламентах Восточной Европы отчасти является наследием начального периода постсоциалистической трансформации, когда интеллигенция играла решающую роль. В России интеллигенция в советское время находилась под довольно сильным идеологическим контролем, а её роль в преобразованиях конца 1980-х — начала 1990-х гг., хотя и весьма заметная, была всё же слабее, чем в ряде восточноевропейских стран, что, вероятно, отразилось и на составе постсоветской элиты.

В-третьих, возможно, что спрос на высококвалифицированных специалистов, в частности из рядов профессуры, в ГД сравнительно невелик, поскольку её роль в управлении государством и обществом (в том числе как канала рекрутирования правительственной элиты) довольно слаба. Хотя и среди высших администраторов прямых выходцев из сферы образования и науки немного.

Наконец, по сравнению со странами Запада в России преподаватели и учёные являются в экономическом отношении гораздо менее преуспевающей группой, поэтому в меньшей степени обладают рядом ресурсов, важных для политической карьеры. Многие из них принадлежат к малообеспеченным слоям: так, по итогам первого полугодия 2011 г., зарплата в образовании была на треть ниже средней по стране [Башкатова 2011]. При этом учебная нагрузка преподавателей довольно велика, а гарантии их занятости в условиях авторитарных порядков в сфере образования и её неолиберальной «оптимизации» ненадёжны.

В сравнении с обычными преподавателями больше шансов пройти в ГД имеет высшее руководство учебных заведений, прежде всего ректоры и проректоры вузов. Это неудивительно, учитывая, что такие персоны контролируют значительные финансовые ресурсы, а также обладают существенным административным потенциалом, возглавляя большие коллективы преподавателей, с помощью которых можно мобилизовать в свою поддержку более широкий круг избирателей — студентов и даже членов их семей [Медведев 2010: 80]. Кроме того, существует «традиционная, восходящая ещё к советской эпохе установка региональных элит на включение соответствующих позиций в состав представительных органов власти» [Медведев 2010: 79–80]. Неудивительно, что ректоры являются одной из самых успешных профессиональных групп на выборах в парламенты субъектов РФ [Медведев 2010: 79], а, между тем, должность регионального депутата важна в качестве трамплина для попадания в федеральный парламент. Впрочем, не следует переоценивать их заинтересованность в переходе на постоянную работу в ГД, который, по крайней мере для ректоров ведущих вузов, чреват утратой части доходов [Доходы в образовании... 2014] и власти (в отличие от членства в региональном парламенте на непостоянной основе).

Выходцы из рабочего класса в парламенте

Одна из основополагающих характеристик парламентов капиталистических обществ состоит в том, что их состав не соответствует концепции так называемого демографического представительства [Norris, Lovenduski 1995: 94–95], слабо отражая социально-профессиональную структуру населения (в гораздо большей мере ей отвечают legislatures социалистических государств). Парламентарии непропорционально широко рекрутируются из высокостатусных групп [Gallagher 1985: 375], а доступ в депутатский корпус членов низших классов — прежде всего рабочих, составляющих значительную часть избирателей, — крайне ограничен.

Эта тенденция неудивительна и во многом связана с тем, что рабочие и, вообще, члены низших классов слабо обеспечены ресурсами и преимуществами, важными для политической карьеры, такими как финансовые средства, культурный капитал, свободное время, необходимое для занятия политикой, организационные навыки и проч. Исторически эта ситуация отчасти исправлялась коллективными действиями рабочих, их организацией в профсоюзы и массовые партии, что позволяло им консолидировать скудные индивидуальные ресурсы и более успешно участвовать в политике. Массовые левые партии, тесно связанные с рабочим движением, служили социальными и политическими лифтами для рабочих. В некоторых странах, где такие партии были электорально успешны (например, в Великобритании), присутствие рабочих в парламенте временами было значительным [Norris, Lovenduski 1995: 97; Cotta, Verzichelli 2007: 431]. В среднем для стран Европы доля рабочих в парламентах в 1940-е гг. достигала 9% [Cotta, Verzichelli 2007: 431], тогда как в Конгрессе США, где не было влиятельных левых партий, она в XX веке не превышала 2% [Carnes 2012: 6–7].

Впрочем, примерно с середины XX века происходило сокращение средней для стран Европы доли выходцев из рабочего класса в депутатском корпусе [Cotta, Verzichelli 2007: 431]. Отчасти эта тенденция, вероятно, отражает уменьшение доли промышленных рабочих в населении по мере развития

постиндустриальной экономики. Но она тесно связана с исчезновением среди депутатов лиц с низким уровнем образования [Gaxie, Godmer 2007: 133]. Обладание значительным культурным капиталом, засвидетельствованным университетским дипломом, стало необходимым, хотя и негласным, условием парламентской карьеры [Gaxie, Godmer 2007: 115]. Прежде всего, этот сдвиг был замечен в социал-демократических партиях. По мере того, как эти партии становились правящими, они всё более нуждались в парламентариях с высоким уровнем образования, достаточно компетентных, чтобы занимать правительственные посты, дискутировать с высшей бюрократией, обсуждать технические вопросы политики в парламенте, СМИ и на международной арене [Gaxie, Godmer 2007: 129]. Акцент всё больше делался на рекрутировании специалистов, способных управлять современным интервенционистским государством, в частности преподавателей, которые в левых фракциях вытесняли рабочих. В итоге к 2000-м гг. средняя доля рабочих в парламентах Западной Европы сократилась до 3% (хотя, например, в Великобритании она заметно выше) [Cotta, Verzichelli 2007: 431]. В основном рабочие концентрируются в левых фракциях, наиболее заметно их присутствие среди коммунистов [Ponszki 2007: 303]. В постсоциалистических странах Европы, где диплом о высшем образовании даже в большей степени, чем в Западной Европе, является необходимым условием занятия парламентской позиции, рабочие почти не представлены в парламентах [Kuklys 2013: 66; Semenova, Edinger, Best 2014: 288].

Какова ситуация в РФ? В принципе, слабость ГД по сравнению с парламентами демократических стран должна уменьшать привлекательность парламентских позиций и конкуренцию за их достижение и в этом смысле могла бы способствовать демократизации социальной базы рекрутирования депутатов [Gaxie, Godmer 2007: 115]. Но, кроме властных возможностей, позиция депутата имеет и другие характеристики, например размер зарплаты, которая весьма высока по российским меркам и во много раз превышает среднюю по стране (причём разрыв между депутатской зарплатой и ВВП на душу населения больше, чем в развитых странах) [Матвеева, Ермаков 2013], что увеличивает привлекательность мандата и обостряет конкуренцию за его получение. Кроме того, в постсоветской России отсутствует такая движущая сила демократизации, как электорально успешные массовые рабочие партии. Неудивительно, что присутствие рабочих в ГД едва заметно [Гаман-Голутвина 2012: 128]. В VI созыве ГД примерно 1% депутатов были рабочими на момент как первого избрания в ГД, так и избрания в VI созыв. Надо сказать, что исключённость рабочих из политической элиты тесно связана с ролью высшего образования как условия парламентской карьеры: около 98% депутатов имели соответствующий диплом ко времени избрания в VI созыв.

Почти все депутаты — выходцы из рабочего класса входят во фракцию «Единой России». В основном они, как и другие «люди из народа», были рекрутированы в рамках ОНФ, созданного для придания «партии власти» имиджа общенародной, и, вероятно, призваны выполнять функцию «символического представительства» соответствующих социально-профессиональных категорий [Подвинцев 2015: 181–182]. В то же время во фракциях партий, провозглашающих себя левыми или левоцентристскими (КПРФ и СР), но слабо связанных с рабочим движением (в современной России оно не получило большого развития) и, по сути, не являющихся массовыми, нет ни одного такого депутата.

Вообще, присутствие в ГД не только рабочих, но и в целом тех, кто перед избранием работал на неключевых позициях в экономических структурах, незначительно. В частности, судя по основному месту работы, не более 3% депутатов на момент избрания в VI созыв занимали неключевую позицию в экономических структурах (рабочие, специалисты, консультанты, низшие и средние менеджеры), причём нужно учесть, что некоторые из них были одновременно крупными акционерами компаний.

В общем, эти цифры (а также приведённые выше данные о доле в ГД работников учреждений науки и образования, не входящих в их высший менеджмент) говорят о том, что рекрутированию законодательной элиты — в плане его социальной базы — присуща довольно высокая степень закрытости.

Заключение

Несмотря на присущие ограничения, связанные прежде всего с неполнотой доступной биографической информации, а также с тем, что за рамками остались некоторые группы, являющиеся поставщиками законодательной элиты, проведённый анализ социально-профессиональных источников рекрутирования депутатов ГД VI созыва позволил выявить ряд важных тенденций:

- политическая элита РФ существенно укоренена в структурах политико-административной власти советского общества: среди депутатов ГД, особенно членов фракции КПРФ, номенклатурный опыт распространён в большей степени, чем среди административной и экономической элиты страны;
- для постсоветской карьеры депутатов характерна политическая профессионализация: большинство парламентариев на момент избрания в VI созыв были профессиональными политиками, прежде всего думскими инкумбентами;
- существенна бюрократизация депутатского корпуса, значительная часть которого, особенно членов фракции ЕР, в постсоветский период работала в административных структурах. Имеют место динамические переплетения между федеральными административной и политической элитами РФ, особенно на уровне руководства ГД. Значительная бюрократизация парламента может отражать и усиливать зависимость политического и законодательного процесса от административной власти;
- довольно выражена милитаризация политической элиты: доля выходцев из силовых структур в российском парламенте гораздо выше, чем в легислатурах стран Европы, хотя и ниже, чем в федеральной административной элите;
- бизнес — важнейший источник рекрутирования политической элиты за пределами политико-административных структур. По уровню его присутствия ГД существенно превосходит парламенты большинства стран Запада. Хотя выходцев из крупного в общенациональном масштабе бизнеса немного, переплетения экономической и политической элит страны имеют место. Широкое представительство бизнеса в легислатуре может свидетельствовать о значимости политических связей для накопления капитала в условиях сложившегося в России «кумовского капитализма» (по мнению ряда исследователей);
- некоторые профессиональные категории, широко представленные в легислатурах западных обществ, — юристы (Конгресс США), учителя и преподаватели (парламенты стран Европы), довольно слабо присутствуют в ГД;
- прямые выходцы из рабочего класса и, вообще, те, кто на момент избрания занимал неключевые позиции в экономических структурах, очень слабо представлены в законодательной элите РФ, которой присуща довольно высокая степень социальной закрытости, что может негативно сказываться на её легитимности.

Хотя изучался лишь один созыв ГД (и в этом также проявляется ограниченность полученных результатов), на основании предшествующих исследований можно утверждать, что указанные тенденции в целом носят довольно устойчивый характер и наблюдались в прежних составах российского парламента. Их выявление важно потому, что характеристики социально-профессионального состава законодателей могут значимо влиять на их политические установки и поведение. В частности, номенкла-

турный опыт может быть позитивно связан с приверженностью советской системе и негативно влиять на поддержку демократических и рыночных институтов. Депутаты, вышедшие из силовых структур, вследствие особенностей профессиональной социализации могут быть особенно склонны к поддержке авторитарных порядков. Высокий уровень присутствия выходцев из бизнеса среди законодателей может предрасполагать их к преимущественному учёту его интересов в своей политике в ущерб интересам редко представленных в парламенте экономически подчинённых групп. Впрочем, проверка этих предположений не была задачей данного исследования и требует специального анализа.

Литература

- Башкатова А. 2011. Зарплата в сфере образования на треть ниже средней по стране. *Независимая газета*. URL: http://www.ng.ru/economics/2011-10-13/4_stats.html
- Большинство россиян предпочитают демократии порядок*. 2015. URL: <http://www.levada.ru/2015/04/15/bolshinstvo-rossiyan-predpochitayut-demokratii-poryadok>
- Быстрова А. С. et al. 2008. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации. В сб.: Елисева И. И. (отв. ред.). *Глобализация в российском обществе*. СПб.: Нестор-История; 99–242.
- Волкова А. 2012. Рейтинг правовых государств: Россия провалилась по всем показателям. *RBC.ru*. URL: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/11/29/33830812>
- Волкова О. 2016. Учёные назвали политические связи главным источником богатства в России. *RBC.ru*. URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a>.
- Гаман-Голутвина О. В. 2006а. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (I). *Полис. Политические исследования*. 2: 27–39.
- Гаман-Голутвина О. В. 2006б. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе (II). *Полис. Политические исследования*. 3: 67–74.
- Гаман-Голутвина О. В. 2012. Парламентский корпус современной России. В сб.: Гаман-Голутвина О. В. (ред.). *Политический класс в современном обществе*. М.: РОССПЭН; 113–142.
- Гельман В. Я. 2006. От «бесформенного плюрализма» — к «доминирующей власти»? (Трансформация российской партийной системы). *Общественные науки и современность*. 1: 46–58.
- Государственная программа «Юстиция»*. 2011. URL: <http://verdicto.livejournal.com/19010.html>
- Григорьева М. В. 2012. Участие региональных и муниципальных депутатов в выборах законодательных собраний субъектов РФ. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 3: 13–29.
- Дзись-Войнаровский Н. 2012. *Какая армия досталась Шойгу?* URL: http://slon.ru/economics/kakaya_armiya_dostalas_shoygu-848783.xhtml?page=3#pager
- Доходы в образовании: национальный рейтинг. Общественное движение «Обрнадзор»*. 2014. URL: <http://обрнадзор.рф/вдействи/рейтингдоходов>

- Дука А. В. (ред.) 2001. *Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации*. СПб.: Алетейя.
- Дука А. В. 2012. К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах. В сб.: Дука А. В. (ред.). *Властные структуры и группы доминирования. Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации»*. СПб.: Интерсоцис; 94–120.
- Завадская М. А. 2012. Думские инкубенты и «партия власти»: кросстемпоральный анализ. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 3 (66): 121–131.
- Зазнаев О. И. 2006. *Полупрезидентская система: политико-правовой анализ*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора юридических наук. Казань.
- Зазнаев О. И. 2007. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства. *Полис. Политические исследования*. 2: 146–164.
- Институты власти теряют доверие граждан*. 2012. URL: <http://www.levada.ru/2012/06/26/instituty-vlasti-teryayut-doverie-grazhdan/>
- Институциональное доверие*. 2015. URL: <http://www.levada.ru/2015/10/07/institutsionalnoe-doverie/>
- Коргунюк Ю. Г. 2010. Финансирование партий в постсоветской России: между бизнесом и властью. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 3–4 (58–59): 87–120.
- Крыштановская О. В. 1995. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. *Общественные науки и современность*. 1: 51–65.
- Крыштановская О. В. 2002а. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия. *Мир России*. 4: 3–60.
- Крыштановская О. В. 2002б. Режим Путина: либеральная милитократия? *Pro et Contra*. 7 (4): 158–180.
- Крыштановская О. В. 2005. *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров.
- Матвеева П., Ермаков Д. 2013. Думцы попали в двадцатку. *Газета.Ru*. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2013/11/06_a_5740477.shtml
- Медведев Ю. С. 2010. Профессиональный статус как фактор успеха на региональных выборах. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2 (57): 75–90.
- Мониторинг новых российских законов и их правоприменение в области гражданских прав. Законодательство, ограничивающее свободу слова и выражения мнения*. 2016. URL: <http://mhg-monitoring.org/zakon4>

- Нисневич Ю. А., Савинцева М. И. 2012. *Отчёт Transparency International Russia. Использование административного ресурса на выборах депутатов Государственной Думы РФ 4 декабря 2011 года.* URL: <http://files.golos.org/docs/5375/original/5375-glava-6.doc?1328118890>
- Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. *Федеральный закон (№ 67-ФЗ) от 12 июня 2002 г.* URL: http://cikrf.ru/law/federal_law/zakon_02_67fz_n/zakon_02_67_full.html
- Подвинцев О. Б. 2015. Попытка формирования новых политических элит в регионах РФ: цели, механизмы, результаты (2012–2014 гг.). В сб.: Дука А. В. (ред.). *Власть и элиты.* Т. 2. СПб.: Интерсоцис; 171–189.
- Ривера Ш., Ривера Д. 2009. К более точным оценкам трансформаций в российской элите. *Полис. Политические исследования.* 5: 149–157.
- Самые уважаемые профессии в России — врач и учитель.* 2012. URL: <http://www.levada.ru/2012/10/05/samye-uvazhaemye-professii-v-rossii-vrach-i-uchitel>
- Сафронов В. В. 2010. Консолидация авторитаризма или демократизация: поддержка путинского режима элитой С.-Петербурга. В сб.: Дука А. В., Елисеева И. И. (ред.). *Условия и возможности консолидации российского общества: Сборник научных трудов СИ РАН.* СПб.: Нестор-История; 30–110.
- Сводный финансовый отчет политической партии. Всероссийская политическая партия «Единая Россия» (Партия «Единая Россия») за 2011 год.* 2012. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/edros.PDF>
- Сводный финансовый отчет политической партии. Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ) за 2011 год.* 2012. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/kprf.PDF>
- Сводный финансовый отчет политической партии. Политическая партия «Либерально-демократическая партия России» (ЛДПР) за 2011 год.* 2012. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/ldpr.PDF>
- Сводный финансовый отчет политической партии. Политическая партия «Справедливая Россия» за 2011 год.* 2012. URL: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/spravedros.PDF>
- Соловых С. Ж. 2015. Институт квалифицированной юридической помощи как гарантия доступности правосудия. *Евразийская адвокатура.* 5 (18): 16–18.
- Тев Д. Б. 2012. Региональный депутатский корпус партий «второго эшелона»: сравнительный анализ бассейна рекрутирования парламентариев КПРФ, «Справедливой России» и ЛДПР. В сб.: Дука А. В. (ред.). *Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации».* СПб.: Интерсоцис; 52–75.
- Тев Д. Б. 2013. Городские Думы крупнейших региональных столиц: основные характеристики и тенденции изменения бассейна рекрутирования депутатов. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* 9 (3): 74–90.

- Тев Д. Б. 2015. Высокопоставленные региональные администраторы: особенности карьеры после ухода с должности. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 18 (4): 37–52.
- Тев Д. Б. 2016а. Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования. *Полис. Политические исследования*. 4: 115–130.
- Тев Д. Б. 2016б. Экономическая элита РФ: опыт работы в политико-административной сфере. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2 (81): 89–108.
- Шлейнов Р. 2010. Кто и почему пожертвовал «Единой России» 6 млрд руб. *Ведомости*. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2010/12/20/dengi_partii
- Шульман Е. 2014. Суррогаты парламентаризма. *Pro et Contra*. 18 (1–2): 124–132.
- Best H. 2006. *New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites*. Paper presented to the 20th IPSA World Congress, Fukuoka, 9–13 July, 2006. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5306.pdf
- Best H., Cromwell V., Hausmann C., Rush M. 2001. The Transformation of Legislative Elites: The Cases of Britain and Germany since the 1860s. *Journal of Legislative Studies*. 7 (3): 65–91.
- Bianco W.T. 2005. Last Post for “The Greatest Generation”: The Policy Implications of the Decline of Military Experience in the U.S. Congress. *Legislative Studies Quarterly*. 30 (1): 85–102.
- Böröcz J., Róna-Tas Á. 1995. Small Leap Forward: Emergence of New Economic Elites. *Theory and Society*. 24 (5) (Special Issue on Circulation vs Reproduction of Elites During the Postcommunist Transformation of Eastern Europe): 751–781.
- Carnes N. 2012. Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? *Legislative Studies Quarterly*. 37 (1): 5–34.
- Chaisty P. 2013a. The Impact of Party Primaries and the All-Russian Popular Front on the Composition of United Russia’s Majority in the Sixth Duma. *Russian Analytical Digest*. 127: 8–12.
- Chaisty P. 2013b. The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma. *Europe-Asia Studies*. 65 (4): 717–736.
- Cotta M., Tavares de Almeida P. 2007. From Servants of the State to Elected Representatives: Public Sector Background among Members of Parliament. In: Cotta M., Best H. (eds) *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*. Oxford: Oxford University Press; 51–76.
- Cotta M., Verzichelli L. 2007. Paths of Institutional Development and Elite Transformations. In: Cotta M., Best H. (eds) *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*. Oxford: Oxford University Press; 417–473.
- Derge D. R. 1959. The Lawyer as Decision-Maker in the American State Legislature. *Journal of Politics*. 21 (3): 408–433.

- Dogan M. 2003. Is there a Ruling Class in France? In: Dogan M. (ed.) *Elite Configurations at the Apex of Power*. Boston: Brill; 17–89.
- Edinger M. 2010. Elite Formation and Democratic Elitism in Central and Eastern Europe: A Comparative Analysis'. In: Best H., Higley J. (eds) *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives*. Leiden: Brill; 129–151.
- Erikson R. S. 1971. The Advantage of Incumbency in Congressional Elections. *Polity*. 3 (3): 395–405.
- Faccio M. 2006. Politically Connected Firms. *The American Economic Review*. 96 (1): 369–386.
- Frankland E.G. 1977. Parliamentary Career Achievement in Britain and West Germany: A Comparative Analysis. *Legislative Studies Quarterly*. 2 (2): 137–154.
- Gallagher M. 1985. Social Backgrounds and Local Orientations of Members of the Irish Dail. *Legislative Studies Quarterly*. 10 (3): 373–394.
- Gaxie D., Godmer L. 2007. Cultural Capital and Political Selection: Educational Backgrounds of Parliamentarians. In: Cotta M., Best H. (eds) *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*. Oxford: Oxford University Press; 106–135.
- Golosov G. V. 2011a. Russia's Regional Legislative Elections, 2003–2007: Authoritarianism Incorporated. *Europe-Asia Studies*. 63 (3): 397–414.
- Golosov G. V. 2011b. The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia. *Europe-Asia Studies*. 63 (4): 623–639.
- Golosov G. V. 2013. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies. *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. 21 (4): 459–480.
- Green J. J. et al. 1973. Lawyers in Congress: A New Look at Some Old Assumptions. *Western Political Quarterly*. 26 (3): 440–452.
- Hanley E., Yershova N., Anderson R. 1995. Russia — Old Wine in a New Bottle? The Circulation and Reproduction of Russian Elites, 1983–1993. *Theory and Society*. 24 (5): 639–668.
- Hutcheson D. S. 2012. Party Finance in Russia. *East European Politics*. 28 (3): 267–282.
- Ilonzki G. 2007. Socialist and Communist Members of Parliament: Distinctiveness, Convergence, and Variance. In: Cotta M., Best H. (eds) *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*. Oxford: Oxford University Press; 284–315.
- Ilonzki G., Edinger M. 2007. MPs in Post-Communist and Post-Soviet Nations: A Parliamentary Elite in the Making. *The Journal of Legislative Studies*. 13 (1): 142–163.
- Kerbo H. R., Della Fave L. R. 1979. The Empirical Side of the Power Elite Debate: An Assessment and Critique of Recent Research. *Sociological Quarterly*. 20 (1): 5–22.
- King A. 1981. The Rise of the Career Politician in Britain — And Its Consequences. *British Journal of Political Science*. 11 (3): 249–285.

- Kryshtanovskaya O., White S. 2003. Putin's Militocracy. *Post-Soviet Affairs*. 19 (4): 289–306.
- Kuklys M. 2013. *Transformation of Parliamentary Elites: Recruitment and Careers of Legislators in Estonia, Latvia and Lithuania, 1990–2012* (PhD Thesis). URL: <http://www.db-thueringen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-29087/Dissertation%20Kuklys%202013.pdf>
- Makarenko B. I. 2012. The Post-Soviet Party of Power: United Russia in Comparative Context. *Russian Social Science Review*. 53 (4): 27–56.
- Malesky E., Schuler P. 2010. Nodding vs Needling: Analyzing Delegate Responsiveness in an Authoritarian Parliament. *American Political Science Review*. 104 (3): 482–502.
- Matland R. E., Studlar D. T. 2004. Determinants of Legislative Turnover: A Cross-National Analysis. *British Journal of Political Science*. 34 (1): 87–108.
- Matthews D. R. 1984. Legislative Recruitment and Legislative Careers. *Legislative Studies Quarterly*. 9 (4): 547–585.
- Miller M. C. 1995. *The High Priests of American Politics: The Role of Lawyers in American Political Institutions*. Knoxville: University of Tennessee Press.
- Norris P., Lovenduski J. 1995. *Political Recruitment: Gender, race and class in the British parliament*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Our Crony-Capitalism Index: Planet Plutocrat. 2014. *The Economist*. URL: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet>
- Podmore D. 1977. Lawyers and Politics. *British Journal of Law and Society*. 4 (2): 155–185.
- Polsby N. W., Gallaher M., Rundquist B. S. 1969. The Growth of the Seniority System in the U.S. House of Representatives. *American Political Science Review*. 63 (3): 787–807.
- Putnam R. D. 1976. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Renz B. 2006. Putin's Militocracy? An Alternative Interpretation of Siloviki in Contemporary Russian Politics. *Europe-Asia Studies*. 58 (6): 903–924.
- Rivera S. W., Rivera D. W. (2006) The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? *Post-Soviet Affairs*. 22 (2): 125–144.
- Roberts S. P. 2012. United Russia and the Dominant-Party Framework: Understanding the Russian Party of Power in Comparative Perspective. *East European Politics*. 28 (3): 225–240.
- Sakwa R. 2012. Party and Power: Between Representation and Mobilisation in Contemporary Russia. *East European Politics*. 28 (3): 310–327.
- Schlesinger J. A. 1957. Lawyers and American Politics: A Clarified View. *Midwest Journal of Political Science*. 1 (1): 26–39.

- Semenova E. 2011. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009. *Comparative Sociology*. 10 (6): 908–927.
- Semenova E. 2012a. Continuities in the Formation of Russian Political Elites. *Historical Social Research*. 37 (2) (Special Issue: Political and Functional Elites in Post-Socialist Transformation: Central and East Europe since 1989/90): 71–90.
- Semenova E. 2012b. Patterns of Parliamentary Representation and Careers in Ukraine: 1990–2007. *East European Politics and Societies*. 26 (3): 538–560.
- Semenova E., Edinger M., Best H. 2014. Patterns of parliamentary elite recruitment in Central and Eastern Europe: A Comparative Analysis. In: Semenova E., Edinger M., Best H. (eds) *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe: Recruitment and Representation*. London; New York: Routledge; 284–307.
- Shabad G., Slomczynski K. M. 2002. The Emergence of Career Politicians in Post-Communist Democracies: Poland and the Czech Republic. *Legislative Studies Quarterly*. 27 (3): 333–359.
- Slider D. 2010. How United is United Russia? Regional Sources of Intra-party Conflict. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 26 (2): 257–275.
- Stolz K. 2003. Moving Up, Moving Down: Political Careers Across Territorial Levels. *European Journal of Political Research*. 42 (2): 223–248.
- Szelényi I., Szelényi S. 1995. Circulation or Reproduction of Elites during the Post-Communist Transformation of Eastern Europe. *Theory and Society*, 24 (5) (Special Issue on Circulation vs Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe): 615–638.
- Tronconi F., Verzichelli L. 2007. Parliamentary Elites of New European Party Families: Unsuccessful Challenges or Chaotic Signs of Change? In: Cotta M., Best H. (eds) *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence*. Oxford: Oxford University Press; 353–389.
- Wilson K. 2007. Party Finance in Russia: Has the 2001 Law «On Political Parties» Made a Difference? *Europe-Asia Studies*. 59 (7): 1089–1113.
- Witko C., Friedman S. 2008. Business Backgrounds and Congressional Behavior. *Congress & the Presidency*. 35 (1): 71–86.
- World Values Survey (2010–2014) — Russia 2011*. 2016. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>

BEYOND BORDERS

Denis Tev

Deputies of the State Duma of the VI Convocation: Social-Professional Sources of Recruitment

TEV, Denis — Candidate of Science in Sociology, Senior Researcher of the Department of Sociology of Authority, Power Structures and Civil Society, Sociological Institute of FCTAS RAS. Address: 7-ya Krasnoarmeyskaya str. 25/14, St. Petersburg, Russia, 190005.

Email: denis_tev@mail.ru

Abstract

The article examines the social and professional composition of the State Duma of the sixth convocation. The purpose of the study is to identify and analyze the socio-professional categories that serve as sources of recruitment for the deputy corps. As a theoretical basis, a wide range of works by domestic and foreign authors devoted to recruiting the political elite was used. The method of investigation can be defined as a structural-biographical analysis. The empirical basic research is a database, which includes biographical information about 532 parliamentarians who worked in the State Duma of the sixth convocation. The sources of data arranged in personal questionnaires and then processed statistically were websites of state bodies, commercial

structures, and biographical Internet portals. The study showed that the political elite of the Russian Federation are substantially rooted in the structures of the political and administrative power of Soviet society: Among the deputies of the State Duma, the nomenclature experience is more common to a greater extent than for the administrative and economic elites of the country. The important trend in the post-Soviet career of deputies is political professionalization. A noticeable trend is the bureaucratization of the deputy corps, many of whom worked in the post-Soviet period in administrative structures. There is dynamic interlocking between the federal administrative and the political elites, especially at the level of the Duma leadership. Quite pronounced is the militarization of the political elite, although there are fewer people from the force structures than in the administrative elite. Business is a most important source of recruitment of the political elite outside the political and administrative structures. Although there are few descendants from large nationwide businesses, interlocking of the country's economic and political elites does take place. Finally, some professional categories widely represented in the legislatures of a number of Western countries—lawyers and educators—are rather poorly presented in the Duma. The author concludes that these recruitment tendencies can, on the one hand, be related to the specifics of the political and economic organization of Russian society (the weakness of the parliament, “crony capitalism”, etc.), and, on the other hand, influence the political attitudes and behaviors of legislators (including their attitude regarding the Soviet past, the political regime, and the interests of various social groups).

Keywords: State Duma; deputies; professionalization; business; administration; nomenclature; force structures; lawyers; educators.

Acknowledgements

This research is fulfilled as a government order work funded from the federal budget of the Russian Federation (theme “Social-Cultural Changes and Structuring of Power Relations in the Modern Russia”, No 0169-2015-0005).

References

- Bashkatova A. (2011) Zarplata v sfere obrazovaniya na tret' nizhe sredney po strane [Salaries in Education at One-Third Lower than the National Average]. *Nezavisimaya gazeta*. Available at: http://www.ng.ru/economics/2011-10-13/4_stats.html (accessed 13 October 2011) (in Russian).
- Best H. (2006) *New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites*. Paper presented to the 20th IPSA World Congress, Fukuoka, 9–13 July, 2006. Available at: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5306.pdf (accessed 11 November 2015).
- Best H., Cromwell V., Hausmann C., Rush M. (2001) The Transformation of Legislative Elites: The Cases of Britain and Germany since the 1860s. *Journal of Legislative Studies*, vol. 7, no 3, pp. 65–91.
- Bianco W. T. (2005) Last Post for “The Greatest Generation”: The Policy Implications of the Decline of Military Experience in the U.S. Congress. *Legislative Studies Quarterly*, vol. 30, no 1, pp. 85–102.
- Bol'shinstvo rossiiyan predpochitayut demokratii poryadok* [Most Russians Prefer Order to Democracy] (2015) Available at: <http://www.levada.ru/2015/04/15/bolshinstvo-rossiiyan-predpochitayut-demokratii-poryadok> (accessed 15 April 2015) (in Russian).
- Böröcz J., Róna-Tas Á. (1995) Small Leap Forward: Emergence of New Economic Elites. *Theory and Society*, vol. 24, no 5, Special Issue on Circulation vs. Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe, pp. 751–781.
- Bystrova A. S., Duka A. V., Kolesnik N. V., Nevskiy A. V., Tev D. B. (2008) Rossiyskie regional'nye elity: innovatsionnyy potentsial v kontekste globalizatsii [Russian Regional Elites: Innovative Potential in the Context of Globalization]. *Globalizatsiya v rossiyskom obshchestve: sb. nauch. trudov* [Globalization in Russian Society: A Collection of Scientific Papers] (ed. I. I. Elisseva), St. Petersburg: Nestor–History, 2008, pp. 99–242 (in Russian).
- Carnes N. (2012) Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? *Legislative Studies Quarterly*, vol. 37, no 1, pp. 5–34.
- Chaisty P. (2013a) The Impact of Party Primaries and the All-Russian Popular Front on the Composition of United Russia's Majority in the Sixth Duma. *Russian Analytical Digest*, no 127, pp. 8–12.
- Chaisty P. (2013b) The Preponderance and Effects of Sectoral Ties in the State Duma. *Europe-Asia Studies*, vol. 65, no 4, pp. 717–736.
- Cotta M., Tavares de Almeida P. (2007) From Servants of the State to Elected Representatives: Public Sector Background among Members of Parliament. *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence* (eds. M. Cotta, H. Best), Oxford: Oxford University Press, pp. 51–76.
- Cotta M., Verzichelli L. (2007) Paths of Institutional Development and Elite Transformations. *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence* (eds. M. Cotta, H. Best), Oxford: Oxford University Press, pp. 417–473.
- Derge D. R. (1959) The Lawyer as Decision-Maker in the American State Legislature. *Journal of Politics*, vol. 21, no 3, pp. 408–433.

- Dogan M. (2003) Is there a Ruling Class in France? *Elite Configurations at the Apex of Power* (ed. M. Dogan), Boston: Brill, pp. 17–89.
- Dokhody v obrazovanii — natsional'nyy reyting. Obshchestvennoe dvizhenie «Obrnadzor»* [Revenues in Education — National Rating. Social Movement “Obrnadzor”]. 2014. Available at: <http://обрнадзор.рф/вдействии/рейтингдоходов> (accessed 3 September 2016) (in Russian).
- Duka A. V. (ed.) (2001) *Regional'nye elity Severo-Zapada Rossii: politicheskie i ekonomicheskie orientatsii* [Regional Elites of the North-West of Russia: Political and Economic Orientations], St. Petersburg: Aletheya (in Russian).
- Duka A. V. (2012) K voprosu o militokratii: siloviki v regional'nykh vlastnykh elitakh [On the Question of Militocracy: Siloviki in Regional Power Elites]. *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya: Materialy desyatogo Vserossiyskogo seminara “Sotsiologicheskie problemy institutov vlasti v usloviakh rossiiskoy transformatsii”* [Power Structures and Groups of Dominance: Proceedings of the Tenth All-Russian Seminar “Sociological Problems of the Power Institutions in the Conditions of Russia’s Transformation”] (ed. A. V. Duka), St. Petersburg: Intersozic, pp. 94–120 (in Russian).
- Dzis'-Voinarovskii N. (2012) *Kakaya armiya dostalas' Shoigu?* [What Army Went Shoigu?]. Available at: http://slon.ru/economics/kakaya_armiya_dostalas_shoygu-848783.xhtml?page=3#pager (accessed 7 November 2012) (in Russian).
- Edinger M. (2010) Elite Formation and Democratic Elitism in Central and Eastern Europe: A Comparative Analysis. *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives* (eds. H. Best, J. Higley), Leiden: Brill, pp. 129–151.
- Erikson R. S. (1971) The Advantage of Incumbency in Congressional Elections. *Polity*, vol. 3, no 3, pp. 395–405.
- Faccio M. (2006) Politically Connected Firms. *The American Economic Review*, vol. 96, no 1, pp. 369–386.
- Frankland E. G. (1977) Parliamentary Career Achievement in Britain and West Germany: A Comparative Analysis. *Legislative Studies Quarterly*, vol. 2, no 2, pp. 137–154.
- Gallagher M. (1985) Social Backgrounds and Local Orientations of Members of the Irish Dail. *Legislative Studies Quarterly*, vol. 10, no 3, pp. 373–394.
- Gaman-Golutvina O. V. (2006a) Rossiyskiy parlamentarizm v istoricheskoy retrospektive i sravnitel'noy perspektive (I) [Russian Parliamentarism in Historical Retrospective and Comparative Perspective (I)]. *Polis. Politicheskie issledovaniia = Polis. Political Studies*, no 2, pp. 27–39 (in Russian).
- Gaman-Golutvina O. V. (2006b) Rossiyskiy parlamentarizm v istoricheskoy retrospektive i sravnitel'noy perspektive (II) [Russian Parliamentarism in Historical Retrospective and Comparative Perspective (II)]. *Polis. Politicheskie issledovaniia = Polis. Political Studies*, no 3, pp. 67–74 (in Russian).
- Gaman-Golutvina O. V. (2012) Parlamentskiy korpus sovremennoy Rossii [The Parliamentary Body of Modern Russia]. *Politicheskiy klass v sovremennom obshchestve* [The Political Class in Modern Society] (ed. O. V. Gaman-Golutvina), Moscow: ROSSPEN, pp. 113–142 (in Russian).

- Gaxie D., Godmer L. (2007) Cultural Capital and Political Selection: Educational Backgrounds of Parliamentarians. *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence* (eds. M. Cotta, H. Best), Oxford: Oxford University Press, pp. 106–135.
- Gel'man V. Y. (2006) Ot “besformennogo pliuralizma” — k “dominiruiushchey vlasti”? (Transformatsiia rossiiskoi partiinoi sistemy) [From “Feeble Pluralism” — to the “Dominant Power”? (Transformation of the Russian Party System)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 1, pp. 46–58 (in Russian).
- Golosov G. V. (2011a) Russia's Regional Legislative Elections, 2003–2007: Authoritarianism Incorporated. *Europe-Asia Studies*, vol. 63, no 3, pp. 397–414.
- Golosov G. V. (2011b) The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 63, no 4, pp. 623–639.
- Golosov G. V. (2013) Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies. *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 21, no 4, pp. 459–480.
- Gosudarstvennaya programma “Yustitsiya”* [The State Program “Justice”]. 2011. Available at: <http://verdicto.livejournal.com/19010.html> (accessed 10 September 2017) (in Russian).
- Green J. J., Schmidhauser J. R., Berg L. L., Brady D. (1973) Lawyers in Congress: A New Look at Some Old Assumptions. *Western Political Quarterly*, vol. 26, no 3, pp. 440–452.
- Grigor'eva M.V. (2012) Uchastie regional'nykh i munitsipal'nykh deputatov v vyborakh zakonodatel'nykh sobraniy sub'ektov RF [Participation of regional and municipal deputies in the elections of to the legislative assemblies of the subjects of the Russian Federation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, no 3, pp. 13–29 (in Russian).
- Hanley E., Yershova N., Anderson R. (1995) Russia — Old Wine in a New Bottle? The Circulation and Reproduction of Russian Elites, 1983–1993. *Theory and Society*, vol. 24, no 5, pp. 639–668.
- Hutcheson D. S. (2012) Party Finance in Russia. *East European Politics*, vol. 28, no 3, pp. 267–282.
- Ilonszki G. (2007) Socialist and Communist Members of Parliament: Distinctiveness, Convergence, and Variance. *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence* (eds. M. Cotta, H. Best), Oxford: Oxford University Press, pp. 284–315.
- Ilonszki G., Edinger M. (2007) MPs in Post-Communist and Post-Soviet Nations: A Parliamentary Elite in the Making. *The Journal of Legislative Studies*, vol. 13, no 1, pp. 142–163.
- Institutsional'noe doverie* [Institutional Trust]. (2015) Available at: <http://www.levada.ru/2015/10/07/institutsionalnoe-doverie/> (accessed 7 November 2015) (in Russian).
- Instituty vlasti teryayut doverie grazhdan* [Institutions of Power are Losing the Trust of Citizens] (2012) Available at: <http://www.levada.ru/2012/06/26/instituty-vlasti-teryayut-doverie-grazhdan/> (accessed 12 December 2016) (in Russian).
- Kerbo H. R., Della Fave L. R. (1979) The Empirical Side of the Power Elite Debate: An Assessment and Critique of Recent Research. *Sociological Quarterly*, vol. 20, no 1, pp. 5–22.

- King A. (1981) The Rise of the Career Politician in Britain — And Its Consequences. *British Journal of Political Science*, vol. 11, no 3, pp. 249–285.
- Korguniuk Iu. G. (2010) Finansirovanie partii v postsovetskoj Rossii: mezhdru biznesom i vlastyu [Financing of Parties in Post-Soviet Russia: Between Business and Power]. *Politiia: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki) = The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeya*, no 3–4 (58–59), pp. 87–120 (in Russian).
- Kryshtanovskaia O. V. (1995) Transformatsiya staroy nomenklatury v novuyu rossiyskuyu elitu [Transformation of the Old Nomenclature to the new Russian Elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 1, pp. 51–65 (in Russian).
- Kryshtanovskaia O. V. (2002a) Biznes-elita i oligarkhi: itogi desiatiletiya [The Business Elite and the Oligarchs: Results of a Decade]. *Mir Rossii = Universe of Russia*, no 4, pp. 3–60 (in Russian).
- Kryshtanovskaia O. V. (2002b) Rezhim Putina: liberal'naya militokratiya? [The Putin Regime: Liberal Militocracy?]. *Pro et Contra*, vol. 7, no 4, pp. 158–180 (in Russian).
- Kryshtanovskaia O. V. (2005) *Anatomiya rossiiskoy elity* [Anatomy of the Russian Elite], Moscow: Zakharov (in Russian).
- Kryshtanovskaya O., White S. (2003) Putin's Militocracy. *Post-Soviet Affairs*, vol. 19, no 4, pp. 289–306.
- Kuklys M. (2013) *Transformation of Parliamentary Elites: Recruitment and Careers of Legislators in Estonia, Latvia and Lithuania, 1990–2012* (PhD Thesis). Available at: <http://www.db-thueringen.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-29087/Dissertation%20Kuklys%202013.pdf> (accessed 5 December 2015).
- Makarenko B. I. (2012) The Post-Soviet Party of Power: United Russia in Comparative Context. *Russian Social Science Review*, vol. 53, no 4, pp. 27–56.
- Malesky E., Schuler P. (2010) Nodding vs Needling: Analyzing Delegate Responsiveness in an Authoritarian Parliament. *American Political Science Review*, vol. 104, no 3, pp. 482–502.
- Matland R. E., Studlar D. T. (2004) Determinants of Legislative Turnover: A Cross-National Analysis. *British Journal of Political Science*, vol. 34, no 1, pp. 87–108.
- Matthews D. R. (1984) Legislative Recruitment and Legislative Careers. *Legislative Studies Quarterly*, vol. 9, no 4, pp. 547–585.
- Matveeva P., Ermakov D. (2013) Dumtsy popali v dvadtsatku [Duma Members Were in the Top Twenty]. *Gazeta.ru*. Available at: http://www.gazeta.ru/politics/2013/11/06_a_5740477.shtml (accessed 10 October 2016) (in Russian).
- Medvedev Y. S. (2010) Professional'nyy status kak faktor uspekha na regional'nykh vyborakh [Professional Status as a Factor of Success in Regional Elections]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki) = The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, no 2 (57), pp. 75–90 (in Russian).

- Miller M. C. (1995) *The High Priests of American Politics: The Role of Lawyers in American Political Institutions*, Knoxville: University of Tennessee Press.
- Monitoring novykh rossiyskikh zakonov i ikh pravoprimerenie v oblasti grazhdanskikh prav. Zakonodatel'stvo, ogranichivayushchee svobodu slova i vyrazheniya mneniya* [Monitoring of the New Russian Laws and Their Enforcement in the Field of Civil Rights. Legislation Restricting the Freedom of Speech and Expression of Opinion] (2016) Available at: <http://mhg-monitoring.org/zakon4> (accessed 3 June 2016) (in Russian).
- Nisnevich I. A., Savintseva M. I. (2012) *Otchet Transparency International Russia. Ispol'zovanie administrativnogo resursa na vyborakh deputatov Gosudarstvennoy dumy RF 4 dekabrya 2011 goda* [Report of Transparency International Russia. The Use of Administrative Resource in the Elections of Deputies of the State Duma December 4, 2011]. Available at: <http://files.golos.org/docs/5375/original/5375-glava-6.doc?1328118890> (accessed 9 December 2016) (in Russian).
- Norris P., Lovenduski J. (1995) *Political Recruitment: Gender, Race and Class in the British Parliament*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossiyskoy Federatsii (No. 67–FZ) [On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation (No. 67–FZ)]. *Federal'nyy zakon ot 12 iyunya 2002* [Federal Law from June 12, 2002]. Available at: http://cikrf.ru/law/federal_law/zakon_02_67fz_n/zakon_02_67_full.html (accessed 27 October 2016) (in Russian).
- Our Crony-Capitalism Index: Planet Plutocrat. (2014) *The Economist*. Available at: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet> (accessed 5 September 2015).
- Podmore D. (1977) Lawyers and Politics. *British Journal of Law and Society*, vol. 4, no 2, pp. 155–185.
- Podvintsev O. B. (2015) Popytka formirovaniya novykh politicheskikh elit v regionakh RF: tseli, mekhanizmy, rezul'taty (2012–2014 gg.) [Trying to form New Political Elites in Russia's Regions: Goals, Mechanisms, Results (2012–2014)]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], vol. 2 (ed. A. V. Duka), St. Petersburg: Intersozic, pp. 171–189 (in Russian).
- Polsby N. W., Gallaher M., Rundquist B. S. (1969) The Growth of the Seniority System in the U.S. House of Representatives. *American Political Science Review*, vol. 63, no 3, pp. 787–807.
- Putnam R. D. (1976) *The Comparative Study of Political Elites*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Renz B. (2006) Putin's Militocracy? An Alternative Interpretation of Siloviki in Contemporary Russian Politics. *Europe-Asia Studies*, vol. 58, no 6, pp. 903–924.
- Rivera S. W., Rivera D. W. (2006) The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? *Post-Soviet Affairs*, vol. 22, no 2, pp. 125–144.
- Rivera Sh., Rivera D. (2009) K bolee tochnym otsenkam transformatsii v rossiyskoy elite [For More Accurate Estimates of Transformations in the Russian Elite]. *Polis. Politicheskie issledovaniia = Polis. Political Studies*, no 5, pp. 149–157 (in Russian).

- Roberts S. P. (2012) United Russia and the Dominant-Party Framework: Understanding the Russian Party of Power in Comparative Perspective. *East European Politics*, vol. 28, no 3, pp. 225–240.
- Safronov V. V. (2010). Konsolidatsiya avtoritarizma ili demokratizatsiya: podderzhka putinskogo rezhima elitoy S.-Peterburga [The Consolidation of Authoritarianism or Democratization: Support of Putin's Regime by Elites of St. Petersburg]. *Usloviya i vozmozhnosti konsolidatsii rossiyskogo obshchestva: Sbornik nauchnykh trudov SI RAN* [Conditions and Opportunities of Consolidation of the Russian Society: Proceedings of SI RAN] (eds. A. V. Duka, I. I. Eliseeva), St. Petersburg: Nestor-History, pp. 30–110 (in Russian).
- Sakwa R. (2012) Party and Power: Between Representation and Mobilisation in Contemporary Russia. *East European Politics*, vol. 28, no 3, pp. 310–327.
- Samye uvazhaemye professii v Rossii — vrach i uchitel'* [The Most Respected Profession in Russia — a Doctor and a Teacher] (2012) Available at: <http://www.levada.ru/2012/10/05/samye-uvazhaemye-professii-v-rossii-vrach-i-uchitel> (accessed 7 October 2016) (in Russian).
- Schlesinger J. A. (1957) Lawyers and American Politics: A Clarified View. *Midwest Journal of Political Science*, vol. 1, no 1, pp. 26–39.
- Semenova E. (2011) Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009. *Comparative Sociology*, vol. 10, no 6, pp. 908–927.
- Semenova E. (2012a). Continuities in the Formation of Russian Political Elites. *Historical Social Research*, vol. 37, no 2 (140), Special Issue: Political and Functional Elites in Post-Socialist Transformation: Central and East Europe since 1989/90, pp. 71–90.
- Semenova E. (2012b) Patterns of Parliamentary Representation and Careers in Ukraine: 1990–2007. *East European Politics and Societies*, vol. 26, no 3, pp. 538–560.
- Semenova E., Edinger M., Best H. (2014) Patterns of Parliamentary Elite Recruitment in Central and Eastern Europe: A Comparative Analysis. *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe: Recruitment and Representation* (eds. E. Semenova, M. Edinger, H. Best), London; New York: Routledge, pp. 284–307.
- Shabad G., Slomczynski K. M. (2002) The Emergence of Career Politicians in Post-Communist Democracies: Poland and the Czech Republic. *Legislative Studies Quarterly*, vol. 27, no 3, pp. 333–359.
- Shleynov R. (2010) Kto i pochemu pozhertvoval “Edinoy Rossii” 6 mlrd rub. [Who and Why Donate to “United Russia” 6 billion. Rub.]. *Vedomosti*. Available at: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2010/12/20/dengi_partii (accessed 20 December 2016) (in Russian).
- Shul'man E. (2014) Surrogaty parlamentarizma [Substitutes of Parliamentarism]. *Pro et Contra*, vol. 18, no 1–2, pp. 124–132 (in Russian).
- Slider D. (2010) How United is United Russia? Regional Sources of Intra-Party Conflict. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 26, no 2, pp. 257–275.
- Solovykh S. Zh. (2015) Institut kvalifitsirovannoy yuridicheskoy pomoshchi kak garantiya dostupnosti pravosudiya [Institute of Qualified Legal Aid as a Guarantee of Access to Justice]. *Evrasiiskaia advokatura = Eurasian Advocacy*, no 5 (18), pp. 16–18 (in Russian).

- Stolz K. (2003) Moving Up, Moving Down: Political Careers across Territorial Levels. *European Journal of Political Research*, vol. 42, no 2, pp. 223–248.
- Svodnyy finansovyy otchet politicheskoy partii. Politicheskaya partiia “Kommunisticheskaya partiya Rossiiskoy Federatsii” (KPRF) za 2011 god* [Consolidated Financial Report of a Political Party. Political Party “Communist Party of the Russian Federation” (KPRF) in 2011] (2012) Available at: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/kprf.PDF> (accessed 5 May 2016) (in Russian).
- Svodnyy finansovyy otchet politicheskoy partii. Politicheskaya partiya “Liberal’no–demokraticeskaya partiya Rossii” (LDPR) za 2011 god* [Consolidated Financial Report of a Political Party. Political Party “Liberal Democratic Party of Russia” (LDPR) in 2011] (2012). Available at: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/ldpr.PDF> (accessed 5 May 2016) (in Russian).
- Svodnyy finansovyy otchet politicheskoy partii. Politicheskaya partiya Spravedlivaya Rossiya za 2011 god* [Consolidated Financial Report of a Political Party. Political Party “A Just Russia” in 2011] (2012) Available at: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/spravedros.PDF> (accessed 5 May 2016) (in Russian).
- Svodnyy finansovyy otchet politicheskoy partii. Vserossiiskaya politicheskaya partiya “Edinaya Rossiya» (Partiya «Edinaya Rossyia”) za 2011 god* [Consolidated Financial Report of a Political Party. All-Russian Political Party “United Russia” (The Party “United Russia”) in 2011] (2012) Available at: <http://cikrf.ru/politparty/finance/2011/edros.PDF> (accessed 5 May 2016) (in Russian)
- Szelényi I., Szelényi S. (1995) Circulation or Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe. *Theory and Society*, vol. 24, no 5, Special Issue on Circulation vs. Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe, pp. 615–638.
- Tev D. B. (2012) Regional’nyy deputatskiy korpus partiy “vtorogo eshelona”: sravnitel’nyy analiz basseyna rekrutirovaniya parlamentariev KPRF, “Spravedlivoy Rossii” i LDPR [The Regional Deputy Corps Parties “Second Echelon”: A Comparative Analysis of the Recruiting Pool of Parliamentarians of KPRF, “A Just Russia”, and LDPR]. *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya: Materialy desyatogo Vserossiyskogo seminara “Sotsiologicheskie problemy institutov vlasti v usloviyakh rossiyskoy transformatsii”* [Power Structures and Groups of Dominance: Proceedings of the Tenth All-Russian Seminar “Sociological Problems of the Power Institutions in the Conditions of Russia’s Transformation] (ed. A. V. Duka), St. Petersburg: Intersozic, pp. 52–75 (in Russian).
- Tev D. B. (2013) Gorodskie Dumy krupneyshikh regional’nykh stoliy: osnovnye kharakteristiki i tendentsii izmeneniya basseyna rekrutirovaniya deputatov [City Councils of the Largest Regional Capitals: The Main Characteristics and Trends in the Recruitment Pool of Deputies]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS = Political Expertise: POLITEX*, vol. 9, no 3, pp. 74–90 (in Russian).
- Tev D. B. (2015) Vysokopostavlennyye regional’nye administratory: osobennosti kar’ery posle ukhoda s dolzhnosti [Senior Regional Administrators: Features of Career after Leaving Office]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noy antropologii = The Journal of Sociology and Social Antropology*, vol. 18, no 4 (81), pp. 37–52 (in Russian).
- Tev D. B. (2016a) Federal’naya administrativnaya elita Rossii: kar’ernyye puti i kanaly rekrutirovaniya [Federal Administrative Elite of Russia: Career Paths and Channels of Recruitment]. *Polis. Politicheskie issledovaniia = Polis. Political Studies*, no 4, pp. 115–130 (in Russian).

- Tev D. B. (2016b) Ekonomicheskaya elita RF: opyt raboty v politiko–administrativnoy sfere [Economic Elite of Russian Federation: Work Experience in the Political-Administrative Sphere]. *Politiia: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki) = The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, no 2 (81), pp. 89–108 (in Russian).
- Tronconi F., Verzichelli L. (2007) Parliamentary Elites of New European Party Families: Unsuccessful Challenges or Chaotic Signs of Change? *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence* (eds. M. Cotta, H. Best), Oxford: Oxford University Press, pp. 353–389.
- Volkova A. (2012) Reyting pravovykh gosudarstv: Rossiya provalilas' po vsem pokazateliyam [Rating of Rule-of-Law States: Russia Failed on all Counts]. *RBC.ru*. Available at: <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2012/11/29/33830812> (accessed 25 December 2016) (in Russian).
- Volkova O. (2016) Uchenye nazvali politicheskie svyazi glavnyim istochnikom bogatstva v Rossii [Scientists Qualify the Political Ties as Main Source of Wealth in Russia]. *RBC.ru*. Available at: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (accessed 12 June 2016) (in Russian).
- Wilson K. (2007) Party Finance in Russia: Has the 2001 Law ‘On Political Parties’ Made a Difference? *Europe-Asia Studies*, vol. 59, no 7, pp. 1089–1113.
- Witko C., Friedman S. (2008) Business Backgrounds and Congressional Behavior. *Congress & the Presidency*, vol. 35, no 1, pp. 71–86.
- World Values Survey (2010–2014) — Russia 2011* (2016) Available at: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (accessed 10 September 2016).
- Zavadskaya M. A. (2012) Dumskie inkumbenty i “partiya vlasti”: krosstemporal’nyi analiz [The Duma’s Incumbents and “Party of Power”: Krosstemporalny Analysis]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki) = The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeya*, no 3 (66), pp. 121–131 (in Russian).
- Zaznaev O. I. (2006) *Poluprezidentskaya sistema: politiko–pravovoy analiz* [Semi-Presidential System: Political and Legal Analysis] Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora yuridicheskikh nauk [Author’s abstract for the degree of Doctor of Law], Kazan’.
- Zaznaev O. I. (2007) Indeksnyy analiz poluprezidentskikh gosudarstv Evropy i postsovetskogo prostranstva [Index Analysis of Semi-Presidential States of Europe and the Post-Soviet Space]. *Polis. Politicheskie issledovaniia = Polis. Political Studies*, no 2, pp. 146–164 (in Russian).

Received: April 4, 2017

Citation: Tev D. (2017) Deputaty Gosudarstvennoy Dumy RF VI sozyva: sotsial’no-professional’nye istochniki rekrutirovaniya [Deputies of the State Duma of the VI Convocation: Social-Professional Sources of Recruitment]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 18, no 5, pp. 52–86. doi: 10.17323/1726-3247-2017-5-52-86